

МИСС РОБИН ГУД

МАРИНА
СЕРОВА

Все вернется

Мисс Робин Гуд

Марина Серова

Все вернется

«Научная книга»

2010

Серова М. С.

Все вернется / М. С. Серова — «Научная книга», 2010 — (Мисс Робин Гуд)

Полина Казакова, известная в городе как Мисс Робин Гуд, узнает, что подруга детства Юлиана родила ребеночка. К несчастью, мертвого! Полина навещает Юлиану и слышит странные вещи – якобы новорожденный жив и здоров, но неизвестно, где находится. Вероятно, от горя бедняжка не вполне адекватна. Однако вскоре Полина вынуждена поверить в такой ход событий. Убеждают Казакову две справки, в одной из которых черным по белому написано: у Юлианы нет внутриутробной инфекции, и она способна родить здорового младенца. А в другой, выданной в роддоме, утверждается: инфекция у нее была, и мамочка, скрыв опасный диагноз, сама виновата в смерти собственного малыша... Безднадежно? Только не для Мисс Робин Гуд!

© Серова М. С., 2010

© Научная книга, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Марина Серова

Все вернется

Глава 1

Это какой же умник сказал: «Дети – цветы жизни, но лучше, если они растут в чужом палисаднике»? Напрасно. Нет, совершенно напрасно он так выразился о детях! Вон какой милый розовощекий карапуз упорно покоряет вершину горки. И неважно, что горка маленькая, пять ступенек – это вам не фунт изюма скушать. Если тебе два года или около того, пять ступенек – это достижение. Высота каждой ступеньки ребенку до колена. Вы пробовали когда-нибудь подниматься по лестнице, высота ступеней в которой вам по колено? Попробуйте, я посмотрю, как вы будете лихо на них запрыгивать. А этот лезет, старается, пыхтит от напряжения. Ногу ставит, а сам за перила держится, подстраховывается. Соображает, значит.

Нет, плохо еще соображает. Карапуз потерял равновесие и скатился с лестницы вниз. Крик, плач! Мамаша подбежала: ой, ай, как же ты так смог? Она еще удивляется! Попробовала бы сама ползать, к примеру, по веревочной лестнице на шпильках, узнала бы, трудно ли оттуда свалиться.

Я сидела в скверике и с некоторой долей зависти наблюдала за играющими малышами. Они здесь гуляли со своими мамами и бабушками, некоторые, еще совсем маленькие, лежали в колясках, другие уже катались на роликовых коньках. Третьи находились посреди этих возрастных категорий – они скатывались с горок, лазали по лесенкам, с самым серьезным видом копались в песочнице.

Я ждала Алину. Подруга опаздывала. Что это за манера, я ведь не кавалер, чтобы являться ко мне на встречу на час позже и, скромно потупив глазки, уверять, что настоящие девушки именно так и должны поступать? Я вот не опоздала, пришла минута в минуту и теперь любовалась цветами жизни, радостно играющими на просыхавших от снега дорожках сквера.

– Ой, Полин, ты не представляешь!.. – воскликнули над моей головой.

И это – вместо приветствия и извинения!

– Я себе иду, такая... А он навстречу, такой... Весь из себя! «Девушка, давайте познакомимся, меня Вадиком зовут...». Вадик – детский садик! Я говорю: «Молод ты еще с девушками знакомиться! Школу закончи для начала». Доходим до стоянки машин, смотрю – а он в «Пежо» садится! Представляешь?! Вот тебе и детский садик! Я прямо обалдела!..

Она обалдела! А я не обалдела сидеть здесь почти час, как дура? Бабушки хотя бы внуков выгуливают, у них время с пользой проходит, а я только глазею на чужие цветы жизни.

– Я, конечно, могла бы с ним познакомиться, только он, по-моему, лет на восемь меня младше. Мне с ним что, на школьные дискотеки ходить? Я ему говорю: «Молодой человек...»

Нет, определенно, Алина не может не знакомиться с кем-то на улице. Такое впечатление, что, едва она выходит из двери подъезда, как к ней со всех сторон подсакивают молодые люди и наперебой начинают предлагать дружбу и симпатию.

– А он мне говорит: «Девушка, так как все-таки вас зовут?...»

– И ты что, сказала? – отозвалась я наконец.

– Ну щазз! Еще чего! Он меня долго уговаривал, так что опоздала я не по своей вине...

– Ладно, хватит оправдываться! Пошли, а то там все съедят.

Мы шли в пиццерию, открывшуюся недавно, неподалеку от Алинкиного дома. Раньше там был магазин электронной техники, но то ли она не пользовалась должным спросом, то ли по какой другой причине, но магазин закрыли. Месяца два шел ремонт, а все ходили мимо и гадали: что же будет в этом помещении? И вот на днях над дверью появилась большая красоч-

ная вывеска, сообщавшая, что теперь здесь пиццерия. Мы вошли в большой просторный зал, заставленный столами. Взяли по два куска пиццы с грибами, ветчиной, креветками и уселись в уголке, под пальмой, у окна. Раз сегодняшний вечер мне предстоит провести в обществе моей лучшей подруги, надо использовать ее энергию себе на пользу. В связи с наступлением весны мне было просто необходимо обновить мой гардероб, предстоял большой поход по магазинам, а кто лучше Алины обо всем в городе знает, где можно достать все, что мне необходимо!

– Слушай, Полиночка, тебе просто позарез нужно весеннее манто! Я видела на проспекте такие шикарные манто, то ли немецкие, то ли московские. Тебе очень пойдет. Фасон, знаешь, такой... Рукав – реглан, тут косая вытачка, тут прямая строчка. Отсюда все расклешенное, а здесь все насборенное...

– Нет, Алин, расклешенное я не хочу, мне не пойдет. Буду выглядеть, как беременный колобок.

– Она еще со мной спорит! Это как раз твой фасон! А насчет беременности... Да, если такое счастье тебе и выпадет, я имею в виду, конечно, после замужества, то это манто можно будет носить и во время беременности. Место для живота есть.

– Ну, спасибо, успокоила! А то я все переживала – что мне надеть, когда я пойду в декрет?

– Нет, ну, не хочешь расклешенное манто, не бери. Там в соседнем магазине есть еще такое прямое, все-все прямое, а к такому пальто еще и шляпы продают, без полей.

– Ага, пальто – мешок, шляпа – горшок! И куда я пойду в таком виде? На огород? Ворон пугать?

– Почему сразу на огород?

– А что, сначала в психушку?

– Полина, это последний писк моды! И потом, я, может, и себе такое же возьму, я еще не решила.

Пицца была вкусной. К ней мы взяли по чашке кофе и теперь наслаждались горячим эспрессо под развесистой пальмой, правда, искусственной.

– Так, еще с сыром возьмем, – заявила Алина.

– Ты как хочешь, а у меня места в животе больше нет.

– Да, тебе хорошо, ты вон какая стройная! А я ничего не могу с собой поделать, если мне хочется съесть лишний кусочек. Ну, давай, возьмем еще по порции, а то одной мне будет стыдно съесть.

Перспектива потолстеть с ней «за компанию» меня совершенно не прельщала. Да и записывать в себя еду через силу – сомнительное удовольствие. Я так и сказала об этом подруге. Та сразу надула губы:

– Это, значит, я одна должна полнеть, расплзаться во все стороны, а ты у нас будешь стройной, изящной и, в конце концов, отобьешь у меня всех кавалеров?

– Нет, я тебе тоже полнеть не дам. Не хочу одна-одинешенька быть стройной и изящной.

– Это ты к чему?

– К тому, что съели мы по два куска каждая – и хватит. Из-за стола вообще надо вылезать с таким чувством, что ты могла бы проглотить еще что-нибудь.

– А если «осень кусац хоцца»?

– На этот случай надо иметь силу воли. Давай, двигай свой организм к выходу.

Мы вышли из пиццерии на залитую солнцем улицу. Алина немного надулась из-за того, что ей не дали натрескаться как следует, но сознание того, что она имеет хоть какую-то силу воли, преисполнило ее чувством законной гордости. Мы отправились пешком на проспект – по магазинам. Весна уже всю вступила в свои права, было достаточно тепло, снег местами сошел, и асфальт быстро подсыхал.

– А вот это пальто пойдет к твоему черному парикю. Примерь!

Я не очень-то стремилась купить пальто цвета слоновой кости. Слишком светлое, да и фасон... Но подруга не разделяла моих взглядов:

– Напрасно отказываешься. Тогда вот это черное – к рыжему парикю.

Еще превосходнее! Представляю, как я буду выглядеть в таком прикиде!

– Алина, я не хочу покупать одежду к парикам.

– Что же они у тебя без дела лежат, пылятся? Ждешь, когда их моль съест? Их надо носить, а иначе они потеряют форму.

Когда-то я купила несколько париков и разноцветных линз, не без помощи своей лучшей подруги. Конечно, носить их ежедневно я не собиралась. Парики и линзы нужны были мне для другого. С их помощью я меняла свой внешний облик до неузнаваемости. И поскольку и то, и другое я надевала лишь в случаях крайней необходимости, покупать одежду под цвет элементов своего грима я не собиралась.

– А это тебе как? – спросила Алина.

Полупальто терракотового цвета, с удобными карманами и английским воротником меня заинтересовало. Я вертелась в нем перед зеркалом, молоденькая продавщица бегала вокруг меня и писклявым голосом распевала дифирамбы моему внешнему виду и отличному вкусу, а Алина, осматривая со всех сторон, придирчиво шурилась.

– Снимай, – сделала она, наконец, свой вывод, – это не твое.

Продавщица чуть не рухнула в обморок.

По дороге к машине Алина все пыталась испортить мне настроение:

– Нет, правда, к твоим серым глазам оно не идет. Это продавщица просто загипнотизировала тебя, и ты его купила!

– Чушь! Как можно загипнотизировать человека?

– А ты что, не видела, КАК она на тебя пялилась?! Как кобра на кролика!

– Может, как удав?

– Какая разница, если ты купила-таки это пальто! А впрочем, не унывай, с коричневыми сапогами будет самое то!

Я и не собиралась унывать. Пальто мне действительно понравилось. И гипноз здесь был ни при чем. Но Нечаева моего мнения отнюдь не разделяла.

– Я один раз была на сеансе гипноза в областном центре. Так там мужик на сцене заставлял людей в зале делать то, что ему хотелось. Одни начинали выть, другие – лаять, третьи пели голосами оперных певцов. А один дед заговорил на чистом английском, хоть до этого уверял, что знает только по-немецки, и то – два с половиной слова, – сообщила мне Алина.

– Так, может, это просто совпадение, то, что они делали? Кто знает, может, он хотел, чтоб человек спел, а он залалял на чистом собачьем языке?

– Нет, гипнотизер заранее писал на бумажке – «что сделать этому фанту», отдавал листок в зал, потом сажал человека на сцене на стул, усыплял его и просил сделать что-то. А когда подопытный в состоянии гипноза выполнял его приказ, гипнотизер просил прочитать, что было написано на бумажке. И всегда оказывалось, что действия подопытного совпадали с написанным.

– А ты уверена, что это не было подстроено? Может, все эти люди – знакомые гипнотизера, и они договорились заранее?

– Нет, Полин, исключено, я была на сеансе со своей родственницей. Так она под гипнозом пела голосом Робертино Лоретти, хотя в жизни никогда даже не напевала, говорила, что ей медведь на ухо наступил. А проходя мимо меня, гипнотизер остановился, посмотрел внимательно мне в глаза и сказал, что у меня тоже есть задатки гипнотизерского мастерства, и при желании я могла бы тоже подчинять людей своей воле!

– И ты молчала?! Что же ты не развиваешь такой талант? – фыркнула я.

– Вообще-то, я нашла в библиотеке пару книг о гипнозе, но этого материала оказалось недостаточно. Хотя там написано, как надо развивать свои способности, даже упражнения специальные есть.

– Давай в Интернете покопаемся, – предложила я, – такой талант нельзя зарывать в землю. Будешь у нас доморощенным горовским гипнотизером.

Алина согласилась как-нибудь заглянуть ко мне и поискать в Интернете что-нибудь подходящее. К этой минуте мы уже дошли до моей машины. Я совершенно искренне чмокнула подругу в щеку, села в свой «Мини-Купер» и поехала домой. Мне сегодня еще предстояло провести ревизию в своем шкафу, убрать подальше зимние вещи и достать что-то по погоде. Алина отправилась к себе домой пешком. Она жила недалеко от того места, где мы расстались.

* * *

Ариша был дома. Он читал газету в своей комнате, сидя в ротанговом кресле. Дед посмотрел на меня поверх очков:

– Бонжур, Полетт! Тебя можно поздравить с покупкой?

– Да, дедуля, я решила немного обновить свой гардероб. Как тебе?

Я развернула пальто и показала деду.

– Ничего, мне нравится. Свеженько, и тебе идет.

Я надела покупку и повертелась перед дедом в своей обнове.

– А что у нас сегодня на ужин? Полетт, я надеюсь, ты приготовила что-нибудь съедобное?

– Сегодня у нас вчерашний куриный суп. Будешь?

Впрочем, деда можно было не спрашивать. Он с удовольствием ел все, приготовленное мной. Главное, чтобы ему самому не пришлось стоять у плиты.

Четырнадцать лет тому назад, когда мы с Аришей остались одни, осиротев по вине пьяного прокурора, сбившего машиной моих родителей, мы стали маленькой семьей. У деда была я, а у меня был дед, Аристарх Владиленович. Мы нежно любили друг друга, каждый заботился о другом.

Та страшная ночь, когда погибли мои родители, осталась в моей памяти навсегда. Мои папа и мама строили загородный дом, устав от тесноты городской квартиры, где у них даже не было своей отдельной комнаты. Просторный двухэтажный коттедж был практически готов. Отделка и подведение коммуникаций завершены. Оставались формальности с продажей квартиры, и в коттедж можно было перебираться окончательно. Впрочем, в восторге от этого события были родители и дед, я же переживала: все мои подруги оставались в городе...

Мы втроем возвращались домой. Папа посадил меня у нашего дома, а сам вместе с мамой поехал в гараж, поставить машину. Я не успела войти в подъезд, и все произошло у меня на глазах. Машина развернулась и медленно поехала. Перед выездом из двора папа притормозил, дождался, пока загорелся зеленый глаз светофора, и стал аккуратно выкручивать на главную дорогу. Дальше все произошло как в кошмарном сне. Мелькнувшая черной молнией машина, сильный удар, яркое пламя, темные силуэты на ослепительном фоне огня... Как я оказалась возле дороги, помню смутно. Устоять на ногах мне было трудно, хорошо, что позади оказалась кирпичная стена дома. Я почти слилась с ней в темноте. Вокруг меня мечутся люди. Одна я стою. Я на грани обморока. Промчавшаяся черной стрелой машина главного прокурора города врезалась в папину машину, выезжавшую со двора, и отбросила ее к столбу. От сильного удара наша машина запылала. Родители живьем сгорели у меня на глазах. Мне было четырнадцать лет...

Тогда прокурору удалось избежать наказания. В действиях его водителя, катавшего в тот вечер своего пьяного хозяина, состава преступления не обнаружили. Виновником происшествия признали моего папу. Экспертиза показала, что в его крови находился большой процент

алкоголя, к тому же и главный прокурор, и его водитель утверждали, что он на огромной скорости выехал на запрещающий сигнал светофора.

Дело замяли, но мы, как наследники виновников происшествия, должны были выплатить компенсацию за ремонт прокурорского автомобиля. Наследники – это мы с дедушкой. Мы продали квартиру и смогли расплатиться с убийцей. Оставшуюся сумму и все остальные, весьма немалые семейные накопления дед дальновидно вложил в акции одной из самых прибыльных российских компаний. В то время этот поступок многим казался опрометчивым, сейчас же он приносил нам весьма неплохие дивиденды, я могла даже позволить себе не работать, но надо же было чем-то заниматься! Если бы не работа, я так и не вылезала бы из кресла перед камином. И моя Алина, с которой мы дружим до сих пор, совсем бы запилила меня.

Мы с дедом сидели в кухне и поедали суп. Я заметила, что дед как-то грустен и мало-разговорчив.

– Ариша, ты себя хорошо чувствуешь? – спросила я.

– Да, а что?

– Ты как-то подозрительно молчалив. Хотя вчера ты, кажется, выиграл в своем казино и должен быть в благодушном расположении духа.

– Вообще-то, Полетт, я не хотел тебе этого говорить...

– У тебя появились от меня секреты?

– Не в этом дело. Просто сегодня утром я встретил нашу соседку по старому дому, Раису Константиновну, ты помнишь ее?

– Раису Константиновну?.. Честно говоря, смутно. А что случилось?

– Она жила в нашем подъезде, прямо под нами. Ты должна ее помнить, Полетт, ты играла одно время с ее дочкой, Юлианой, а потом мы переехали сюда.

– Да, дед, кажется, я их припоминаю. Юлька ведь старше меня лет на шесть, если я не ошибаюсь?

– На пять. Когда мы переехали, ей было девятнадцать. Сейчас она уже взрослая женщина. Они живут вдвоем с матерью. Муж Раисы Константиновны, Борис, умер давно, несколько лет тому назад. Юлиана долго не выходила замуж, ее мама очень переживала по этому поводу. Но в тридцать два года она неожиданно забеременела и решила рожать – «для себя». Раиса Константиновна была рада, так как уже отчаялась увидеть своих внуков. Когда подошел срок, Юлиана отправилась в роддом.

– Вот как! Передай им мои поздравления.

– Да поздравлять-то ее особо не с чем. Дело в том, что мальчик родился мертвым.

– Как?! Это ужасно!

– И очень подозрительно. Раиса Константиновна сказала, что Юлиана все девять месяцев ходила хорошо, проблем со здоровьем у нее не было. А ребенок почему-то родился мертвым. Но и это еще не самое ужасное.

– Что же может быть ужаснее?

– Видишь ли, Полетт, Раиса утверждает, что мальчик родился живым и здоровым. Но матери отдали трупик какого-то ребенка, уверяя, что он умер еще до родов. Юлиана же, по ее словам, слышала плач рожденного ею малыша.

– Она обращалась к главврачу?

– Конечно! Та говорит – все правильно, ребенок умер по вине матери, его убила внутри-утробная инфекция, и к ним никаких претензий с ее стороны быть не может. Да с главврачом особо-то и не поговоришь, как я понял. Дамочка эта всегда очень занята, ей с мамашами беседовать некогда, у нее других дел полно.

– Угу. Обычная отговорка чиновников: «Мы работали бы хорошо, если бы нам посетители не мешали». Разве это не в ее компетенции – разбираться в подобных нюансах?

– Похоже, что главврач просто не хочет ни в чем разбираться. Бедная молодая мать льет горькие слезы и горстями пьет успокоительное. Бабушка тоже в шоке. Еще бы! Дождалась-таки внука! Юлиана же уверяет, что мальчик жив, она хочет найти его и вернуть. Говорит, что это единственное, что осталось у нее от любимого человека.

– Да, дед, это прямо какой-то фильм ужасов! Теперь я понимаю, почему ты такой мрачный.

– Честно говоря, меня эта история просто потрясла. Одно дело, когда слышишь такое о чужих людях, это воспринимается совсем по-другому. Но когда подобное происходит с твоими знакомыми...

После ужина, вымыв посуду и убрав со стола, я поднялась в свою комнату на втором этаже. Взяла в руки саксофон и попробовала сыграть одно из произведений Мориса Равеля. Был вечер. Я подошла к окну и выглянула в сад. За окном шел первый весенний дождь.

У нас прекрасный дом в коттеджном поселке – большой, просторный, красивый, с камином в одной из гостиных и с русской печкой на кухне. Всего в доме три гостиных. Эти комнаты успела оформить моя мама. В память о тесноте нашей квартиры родители запланировали на первом этаже целых три гостиных: для своих гостей, для дедушкиных и для моих. Спальни располагались на втором этаже и считались личной территорией. Идея с гостинными оказалась удачной, не надо было спорить и по оформлению комнат. Для себя мама и папа выбрали модный тогда стиль кантри, дедушка одобрил роскошный стиль рококо, я – лаконичный хайтек. Зато теперь каждого гостя можно было принимать в наиболее желанной для него обстановке.

Положив саксофон, я спустилась в ту гостиную, где горел камин. В кресле перед ним сидел дед и дочитывал газету.

– Ты разве не идешь сегодня в казино, дедуля?

– Знаешь, Полетт, именно сегодня мне хочется побыть дома, рядом с тобой. Сегодня я как никогда остро ощущаю, какое это счастье – иметь внучку!

На глазах у Ариши вдруг навернулись слезы. Я прекрасно понимала его. Тогда, четырнадцать лет тому назад, когда он увидел нашу горящую машину, дед решил, что я тоже погибла вместе с мамой и папой. Для него было настоящим чудом найти меня около стены дома, онемевшую, в шоковом состоянии. Дед взял заботу обо мне на себя. Он не просто заменил мне родителей. Он дал мне прекрасное образование, оплачивал учебу в элитной школе с углубленным изучением иностранных языков. Потом я поступила в вуз, только что открывшийся в городе, причем на самый престижный факультет.

После института я какое-то время работала на кирпичном заводе «Красный Октябрь» юрисконсультom, пока не поняла, что сидеть каждый день с восьми до пяти в четырех стенах и делать одну и ту же монотонную работу, подчиняться начальству и выполнять его требования, – все это не для меня. Проблем с деньгами у нас, в общем-то, не было. Акции приносили нам весьма неплохие дивиденды, составляя львиную долю наших доходов. С завода я уволилась.

К тому времени я сумела отомстить прокурору, причем так виртуозно, что сама оказалась как бы ни при чем, в стороне. Конечно, свою месть я осуществила не в одиночку, мне помогли друзья: мой дед, подруга – Алина Нечаева, хороший друг моего отца, полковник ФСБ, Курбатов Сергей Дмитриевич. И хотя я не сомневалась в умении этих людей держать язык за зубами, по городу поползли слухи, что кара настигла прокурора не сама по себе. Если это и была воля providения, то ему явно кто-то помог.

С тех пор моим занятием стало помогать людям, попавшим в такую же ситуацию, как мы с Аришей четырнадцать лет тому назад. Если правоохранительные органы не имели возможности или желания помочь таким пострадавшим, за дело бралась я. Надо сказать, что связывалась я только с серьезными делами. Такие мелкие неурядицы, как семейные скандалы, разводы

или измены супругов, я отметала напрочь. Нечего размениваться по мелочам! Я, как говорят заядлые картежники, «играла по-крупному».

Мой дед по вечерам пропадал в казино. Надо сказать, что он – заядлый и виртуозный карточный игрок, интриган и ворчун. Наверное, отчасти я пошла в него, потому что по своей натуре я тоже люблю интриги, вот только я не ворчу, а картам предпочитаю игру на саксофоне.

Из моей головы не шел рассказ деда о мертвом младенце. Я вспомнила и Раису Константинову, и ее мужа, и их дочку, Юлиану. Это была хорошая семья, дружная. Когда я была еще совсем маленькой, мы играли с Юлькой, как тогда ее все звали, у нее дома в куклы и другие детские игры, рисовали и лепили что-то из пластилина. Но разница в пять лет все-таки сказывалась, постепенно наши интересы расходились. К тому времени, когда мы переехали в коттедж, они разошлись совсем.

Юля стала взрослой девушкой, она поступила на заочное отделение в какой-то институт, кажется, строительный, а я училась в восьмом классе. После переезда в коттеджный поселок я быстро забыла о наших детских забавах, да и не до них мне тогда было. Ни с Юлькой, ни с ее мамой я с тех пор так и не виделась. А она, оказывается, так и не вышла замуж, решила родить «для себя». То, что мальчик родился мертвым, это, конечно, большая трагедия, особенно для матери. Перенести такой шок! А может, мне стоит съездить и навестить забытую подружку детства? Интересно, какими стали Юлька – теперь уже Юлиана – и ее мама? Помню, в детстве она угощала нас пирожками с капустой и курагой, а отец Юльки как-то раз водил нас в зоопарк...

– Дед, а я сегодня в сквере, пока ждала Алину, смотрела на играющих малышей, – сказала я.

– Тебе самой давно пора иметь малышей, – с укоризной проворчал Ариша.

Это было у него чем-то вроде хобби: напоминать мне о необходимости срочно выйти замуж и нарожать кучу ребятишек. У меня с этим были некоторые проблемы. Нет, недостатка в ухажерах, как таковых, у меня не было, только никто из них не сумел завоевать моих симпатий. Я так и говорила деду, а он сокрушался, что я чересчур уж зависила планку, слишком требовательно отношусь к своему будущему избраннику. Я так не думала. Просто в нашем Горовске, по-моему, нет достойных молодых людей, здесь собрались все какие-то мелкие и серые представители мужской половины человечества.

Остаток вечера мы с Аришей провели в кухне за таким приятным занятием, как чаепитие. Я развернула пачку печенья и нарезала бутерброды. В казино дед не пошел, он ударился в воспоминания о своем легендарном прошлом. Я слушала его с удовольствием. Дед был хорошим рассказчиком, а я – благодарным слушателем.

Легла я довольно поздно, почему-то долго ворочалась в постели, все никак не могла найти удобную позу. За окном шумел дождь. Когда я, наконец, уснула в позе спринтера на старте, мне приснилась Юлька: как тогда, в детстве – десятилетняя, с крохотным свертком на руках. Я во сне понимала, что это ее ребенок, и удивилась – почему он такой маленький?

– Это не мой, – проговорила Юлька, показывая на сверток, – мне его подсунули. Мой далеко, и он живой, а этот – умер...

Глава 2

Утром за завтраком дед посмотрел на меня как-то излишне внимательно:

– Я знаю, что ты задумала, Полетт.

– Ты стал телепатом?

– Я стал старым и все вижу. Ты хочешь взяться за это дело. И не говори, ма шер, что я ошибаюсь.

– Увы! Я еще ничего не решила, даже для себя.

– Но я вижу по твоему лицу, что ты этим очень заинтересовалась.

– Дед, я просто хочу поехать к Юлиане, навестить подружку детства, все-таки мы когда-то играли в одной песочнице.

– Я это сразу понял. Ты уже несколько дней болтаешься без дела, а долго сидеть сложа руки ты не можешь. Когда ты расправилась с прокурором, ты испытала такое чувство наслаждения, что теперь наказывать всяких злыдней стало для тебя кайфом.

– Дед, я даже не буду с этим спорить. Ты, конечно, взял номер телефона у Раисы Константиновны?

Я подняла глаза на деда. Он тоже смотрел на меня. Мы поняли друг друга без слов. Ариша пошел в свою комнату и принес записанный на клочке бумаги номер домашнего телефона.

– Значит, все-таки... – вздохнул он, протягивая мне листочки.

– А иначе зачем бы ты его взял?

К моему удивлению, Раиса Константиновна сразу узнала меня:

– Поленька? Как же, конечно, я тебя помню! Мы вчера разговаривали с твоим дедушкой, Аристархом Владиленовичем. Он в двух словах рассказал мне о тебе.

– Раиса Константиновна, вы не возражаете, если я загляну к вам? Очень хотелось бы посмотреть на Юлю, вспомнить наше детство...

– О чем речь?! Полина, в любое время! Кстати, сегодня выходной, можешь сегодня и приезжать. Только Юлианы пока дома нет, она отправилась к одной женщине... Ей порекомендовали... Но об этом я тебе при встрече расскажу. Так ты приедешь?

– Да, конечно, я только соберусь.

Утро выдалось солнечным и теплым, вчерашний дождь растопил почти весь снег. Я села в свой «Мини-Купер», стоявший во дворе, и поехала на улицу, где мы когда-то жили с родителями в трехкомнатной квартире.

Раиса Константиновна открыла дверь и всплеснула руками:

– Боже! Полина! Какая ты стала! Выросла-то, выросла как! Ну, заходи скорее.

Я прошла в квартиру, где мы с Юлькой играли когда-то. Все здесь было по-другому: обои, мебель. Хозяйка усадила меня в гостиной за стол.

– Я сейчас чайку поставлю. Угощу тебя пирогом с курагой, как тогда, в детстве, помнишь?

Она ушла в кухню, а я еще раз осмотрелась. Да, от тех лет не осталось практически ничего. Все новое, современное.

Раиса Константиновна вернулась с подносом, на котором стояли чашки, сахарница, лежали куски пирога на тарелке, варенье в розетке.

– Угощайся, Полиночка. И рассказывай, как у тебя дела? Аристарх Владиленович вчера буквально в двух словах о тебе сказал. Я так поняла, что ты институт закончила? Работаешь по специальности?

Как ей сказать, что я не работаю совсем? Что я уволилась с завода с должности юрисконсульта? Для многих работа по специальности – предел мечтаний.

– Я – юрист, – сказала я неопределенно. Это не было ложью, но и полной правдой тоже.
– Молодец! Хорошая профессия. Юристы сейчас неплохо зарабатывают.
– Я не гонюсь за деньгами, – сказала я, – главное, как я считаю, чтобы работа нравилась.
– Да, это тоже немаловажно. – Раиса Константиновна вздохнула и посмотрела на меня уже с какой-то грустью: – А ты, как твой дедушка сказал, тоже не замужем? Почему же? Ты ведь девушка симпатичная, неужели еще никого не встретила?

– Так получилось, – уклончиво ответила я.

– А-а-а... Все принца ждешь, как и моя Юлиана! Да моя-то уже дождалась. Аристарх Владиленович тебе рассказал о том, что у нас случилось?

– Да. Примите мои соболезнования...

Раиса Константиновна только рукой махнула: какие, мол, соболезнования! Что в них толку!

Она хотела сказать что-то еще, но в это время раздался звонок в дверь.

– Юлиана пришла! Я открою... А ты чай-то пей, пока горячий!

Хозяйка убежала в прихожую. Я налегла на чай и пироги, которые со времен моего детства, кажется, стали еще вкуснее. Хлопнула входная дверь, в прихожей послышались голоса. Мне было трудно разобрать, но, по-моему, Раиса Константиновна сообщила дочери о моем визите. Через минуту в комнату вошла подруга моего далекого детства.

– Полька! Сколько лет! Встретила бы тебя на улице – ни за что не узнала бы. Какими судьбами?

Я смотрела на Юлиану и не находила в этой женщине ничего общего с той тоненькой и хрупкой девушкой девятнадцати лет, какой я видела ее в последний раз. Волосы она обрезала, покрасила в темный тон и сделала мелирование. Поправилась, причем довольно ощутимо. И, кажется, стала выше. Или дороднее? Только чуть раскосые зеленые глаза смотрели по-прежнему – как-то обиженно. Это была Юлькина отличительная черта – она смотрела на тебя так, словно ты ее очень расстроила, и она вот-вот расплачется.

– Дед мне рассказал, что он встретил Раису Константиновну. Вот я и решила вас проведать, вспомнить детство.

– Правильно сделала. Сколько лет-то мы не виделись? Четырнадцать?

– Да. Страшно подумать!

– Ой, девочки, как время летит! Доченька, садись, попей чаю.

Мы сидели за столом втроем. Вспоминали детство, постоянно выкрикивая по очереди: «А ты помнишь, как...» Но это были, скорее, грустные воспоминания. Тогда, в детстве, все было по-другому. До той трагедии, которая произошла в нашей семье. Мы вспомнили и моих погибших родителей, и папу Юлианы. Она вздохнула:

– Да, папа был очень хорошим человеком. Я всегда знала, что не встречу такого, как он, а выходить за кого попало...

– Дочка, не надо. Ты еще и замуж выйдешь, и ребеночка родишь...

– Мама! О чем ты!

Юлиана вскочила и нервно дернула стул. Раиса Константиновна принялась ее успокаивать, но, похоже, это был напрасный труд.

– Юлианочка, доченька, не рви себе сердце...

– Да оно уже давно разорвано, мама! Я вообще не понимаю, как я живу!

– Юль, может, расскажешь, что у тебя случилось? Выговоришься, легче будет.

Мой спокойный тон немного охладил подругу. Она снова села за стол, а ее мама принесла ей из аптечки валерьянку.

– Хвалиться мне особо нечем, – предупредила меня Юлиана, – все просто, как гвоздь, все грустно, как поминки осенью. Пока я училась на заочном, работала в одной строительной организации сначала секретарем, потом, с четвертого курса, – инженером ПТО. А когда я диплом

получила, меня перевели инженером по охране труда. Все бы хорошо, только главным инженером, моим непосредственным начальником, работал один человек... очень хороший человек. Юра Словарев. То есть для всех он был, конечно, Юрием Ивановичем, и я его тоже так звала – на работе. Полина, ты не представляешь! Он такой умница! Да, он старше меня на восемь лет и женат... Дочка у него. Только я влюбилась в него без памяти, просто голову мне снесло, веришь? На работу приду, только и жду, когда планерка... Сажу на ней, глаза прячу, потому что ведь у меня на физиономии всегда все написано, а я боялась, что он узнает. Я потому и стала в уголок садиться, чтобы оказываться у всех за спиной, чтобы никто не видел, как я на него пялюсь... А если он ко мне подойдет по работе, у меня прямо душа в пятки проваливается! Стою на ватных ногах, слушаю, что он говорит, и ничего не слышу. Вот дура я, да?

– Ну почему дура? Это любовь. Нормальное дело, – я пожала плечами.

– Хорошо, что хоть ты меня понимаешь. И вот так, страшно сказать, все восемь лет и продолжалось.

– И он ничего не знал?! – не удержалась я.

– Ничего. Я думала, если это судьба, – значит, так и страдать мне до пенсии. А однажды на корпоративной попойке он подошел ко мне и пригласил танцевать. И во время танца спросил, почему я так на него смотрю, причем давно. Оказывается, он замечал мои взгляды исподтишка, только вида не подавал. Я возьми и расскажи ему все! Мол, люблю вас уже восемь лет безответной любовью, страдаю... Но все понимаю: у вас семья, дочка и все такое... Поэтому, мол, на взаимность даже не надеюсь. Полин, ты не поверишь, но с того вечера мы стали тайно встречаться!

– Юлиана, а я тебе говорила: не связывайся с женатым, не доведет это до добра, потому что – грех, – вставила свое веское слово Раиса Константиновна.

– Мама! Да что теперь-то говорить! Это судьба, я уже давно все поняла. И я с собой ничего не могла поделать. Я бы Юру забыла, если бы, допустим, перешла работать в другое место. Но куда мне было идти? Свободных вакансий для инженеров по охране труда в городе не было. Вот я и сидела, страдала.

– Ты же говоришь, вы стали встречаться? – переспросила я.

– Стали, после того вечера... Редко, правда, у него ведь семья. Но иногда он уезжал в командировку, а когда возвращался – шел ко мне. Я к моменту его приезда номер в гостинице снимала. Мы еще день или ночь в номере жили, а потом только он возвращался к семье. Так продолжалось больше года.

– Пока ты не забеременела?

– Угадала. Когда я Юре сказала об этом, он растерялся. Я его понимаю: его дочке в то время уже восемнадцать исполнилось, она школу закончила, да и ему почти сорок стукнуло. Становиться в сорок лет снова папой – не каждый на это решится.

– Так он тебя бросил?

– Нет, что ты! Как ты могла такое подумать! Он очень порядочный человек. Сказал только, что от семьи уйти он не может, дочку очень любит, да и к жене привык. Опять – квартира, машина... Как все это делить? В общем, он ничего в своей жизни менять не хотел. А мне сказал, чтобы я сама решала, нужен ли мне ребенок. Но, если я решусь рожать, он будет нам помогать.

– Все равно, – опять встряла мама Юлианы, – от женатого человека иметь ребенка – грех.

– Мама! Какой грех?! Дети – грех?! Мне уже тридцать три! Я что, в сорок лет должна рожать? Мне и так врачи сказали, что я старородящая! Я давно поняла, что замуж не выйду. Не полюблю я больше никого, пока Юра рядом... В общем, я подумала, подумала и решила рожать. Ребенок от любимого человека – это счастье, я так думаю.

– А я потом тоже смирилась. Поняла, что, может, и не дождусь я, когда дочка замуж выйдет, а так – хоть внучок будет. Станем жить втроем... Буду его нянчить...

– С Юрой я больше не встречалась. Но он иногда подходил ко мне, в каком-нибудь укромном месте, спрашивал, не нужно ли мне чего? Я гордо все отвергала. Мне помощь не нужна! У меня мама еще крепкая и здоровая, как-нибудь вырастим ребенка одни. На учет в поликлинику я сразу встала, анализы сдала, в общем, все, как полагается. Весь срок наблюдалась, УЗИ делала. Когда мне сказали, что родится мальчик, я так обрадовалась! Витамины горстями принимала, пила молоко, печенку ела – в общем, все делала для ребенка. Поправилась на тринадцать килограммов. Я и до беременности не очень худенькой была, а уж теперь-то и вовсе...

Раиса Константиновна печально вздохнула, слушая дочь.

– Настал мне срок рожать. Я заранее легла в роддом, меня осмотрели, все, говорят, хорошо у вас. Малыш ожидается около четырех килограммов весом. Покололи мне витамин «Е» и что-то еще для укрепления матки, я забыла, как называется. Одним словом, рожать я собралась во всеоружии. Мама пеленок-распашонок накупила... На работе мне обещали коляску подарить. Я уже и имя мальчику придумала – Ванюшка, Ванечка, Иванушка. Правда, красивое?

– Правда. Так что во время родов-то произошло?

– Да ничего особенного. В этот день с утра сынуля мой так толкался, аж сил не было. Живот мой выпирал то с одной стороны, то с другой. Ну, думаю, что-то он совсем разбуянился, хулиганом, наверное, будет. А затем у меня схватки начались. Я – к врачу. Она меня посмотрела, все, говорит, время твое пришло. Стали меня готовить. Когда я вошла в предродовую, там лежала одна девушка, молоденькая совсем, все стонала. Вот мы с ней вдвоем и выводили свои арии. Ее первой увели в родовую, а я еще с час мучилась. Главное, схватки становились все сильнее, перерывы между ними – все меньше, чувствую я – сейчас начнется...

Помню – палата родильная была с высоким потолком, очень светлая и очень душная, так мне, во всяком случае, показалось. Было больно и тяжело, я все время думала, что вот-вот умру, но никого это, похоже, не волновало. Мне не хватало воздуха, я задыхалась. Акушерка учила меня, как надо дышать, но я была не способна слушать ее – я умирала, и это было для меня самым ужасным в тот момент! Мой таз раздирала какая-то жуткая, нечеловеческая боль, сознание мутилось, и не было мне ни до кого дела. Ни до назойливой акушерки с ее дыхательной гимнастикой, ни до ребенка, которому «тоже сейчас трудно, и ты должна ему помочь...», как кто-то говорил мне, держа меня за руку. Я понимала, что никому не могу помочь, мне было очень-очень плохо... И вдруг все закончилось. Сразу! В один момент. Мне стало легче, настолько легче, что я смогла нормально дышать. Я закрыла глаза и лежала, обессиленная, удивляясь тому, что осталась жива. В полузабытьи я слышала детский плач, акушерка шепнула кому-то: «...Потом, пускай отдохнет...» Мне казалось, что это все говорят не обо мне. Мне сделали какой-то укол, и я отключилась. Не знаю, сколько я так пролежала, пять минут или пять часов. Открыла глаза, потому что услышала или почувствовала, как кто-то подошел ко мне. Женщина в белом халате с марлевой повязкой на лице стояла возле меня. Оказалось, я лежу в палате на кровати.

– Тебе сразу... сообщили?

– О ребенке? Нет. Спросили – как я себя чувствую? Я говорю – вроде нормально, только голова какая-то чужая. Соображаю плохо. Врач сказала, что это пройдет, это от укола, и ушла. А я увидела, что в палате нас трое. Та молодая мамаша, вместе с которой мы в предродовой мучились, и еще одна женщина. Вскоре им принесли детей, они начали их кормить. Я спрашиваю нянечку – почему мне ребенка не несут? Она буркнула что-то и убежала.

Когда пришли забирать детей с кормления, я опять спросила, где мой ребенок? Мне сказали, чтобы я подошла к главврачу. Я поднялась, голова еще кружилась, поплелась в ее кабинет... Там врачиха сидит, как царица на троне. Взгляд надменный, холодный.

«Что же вы нас обманули?» – говорит. Я ничего понять не могу. Кого это я когда обманывала? И в чем? А она: «Да, обманули. У вас, оказывается, была внутриутробная инфекция,

а вы это скрыли. Что ж, сами виноваты, что ребенка потеряли!» Я говорю: подождите, какая инфекция? Вы о чем? У меня все анализы в порядке. И что это значит – потеряла ребенка? Где он?! Принесите, мне его кормить надо!.. Она давай на меня кричать! А я ей и ответить толком не могу, у меня голова, как чугунок, гудит и туго соображает.

Короче, я поняла только одно: из-за внутриутробной инфекции у меня родился мертвый ребенок. Это инфекция убила плод еще в матке. Выгнали меня, сказали, что завтра меня выпишывают, отдадут мне труп ребенка, его можно забрать в морге. Еще спросили, не оставлю ли я им его. Вам, мол, все равно, а мы бы его для опытов взяли.

На другой день выдали мне маленький сверток. Развернула я его – мальчик, маленький, совсем крохотный, на четыре кило не потянет. Синий весь, худющий, из животика тянется пуповина... Просто ужас!

Юлиана заплакала, наверное, уже в сотый раз со времени этого ужасного события. Раиса Константиновна стала ее утешать.

– Тебе заключение о смерти выдали? – спросила я.

– А как же! И там то же самое. «Внутриутробная гибель плода». И какую-то инфекцию приписали. Но, Полина, клянусь, я слышала плач ребенка! И в родовой я в тот момент одна лежала. Так что плакать мог только мой ребенок, МОЙ! И анализы я все сдавала вовремя, все, что врачи мне назначали, то я и делала. Не могло у меня быть никакой инфекции, мне бы еще в поликлинике об этом сказали...

Да, ну и дела! Почему-то я ей верила. В самом деле, зачем Юльке врать? Если она с самого начала наблюдалась в поликлинике, как врачи могли «не заметить» инфекцию? И откуда она вообще взялась?

– Ты Юрию своему об этом сообщила?

– Естественно! Он утешал меня, но и сам, похоже, расстроился. Сказал, что как-то уже настроился на сына. Готов был помогать нам.

– Я тоже уже настроилась на внука, – подала голос несостоявшаяся бабушка, – купила мальчику пеленки, голубое одеяльце, распашонки... А пришлось вот его хоронить...

– Да не мой это ребенок там, в гробике! Я сердцем чувствую – не мой! А теперь уже я и наверняка знаю. Эх, не хотела я тебе... да ладно!..

Юлиана залпом допила свой чай и заговорила тихо, почти шепотом:

– Я сегодня у экстрасенса была! Деньги ему отдала приличные, но не жалею об этом. Это хороший специалист! Я ей ничего не рассказала о себе, она сама все увидела. Шар свой хрустальный повертела, свечки везде поставила. Знаю, говорит, что за беда вас ко мне привела. Вы ребенка потеряли! Только не верьте тому, кто сказал, что мальчик ваш мертв. Он жив! Он в другом городе, далеко отсюда. В богатом доме, накормлен, обласкан... Родители ему – чужие, но заботятся о нем, как о родном. Они немолоды, и своих детей у них нет. А за вашего мальчика они большие деньги отвалили! Кому точно, не скажу, только у этого человека – черные глаза, и душа – тоже черная.

Юлиана смотрела на меня напряженно. Наверное, боялась, что я сочту ее сумасшедшей. Но я так не думала.

– Доченька, а что она тебе сказала, вернется наш мальчик к нам или как?

– Мама, она сказала, что вернуть его можно, но очень трудно будет это сделать. Слишком, мол, большие деньги за него заплачены...

– Вот, Полиночка, видишь, какая беда на нас свалилась! – Раиса Константиновна принесла из кухни новые куски пирога и разложила их на блюде.

– Юлиана, ты готова бороться за своего ребенка? – спросила я.

– Что значит «готова»?! Зачем ты спрашиваешь? Я бы на все пошла, только бы Ванечку вернуть! Я ведь понимаю: больше мне родить не придется. От кого попало я не хочу, да и

просто – не смогу. Юрий мне такого удовольствия тоже больше не доставит. Это был мой *единственный* ребенок... Ты мне лучше, как юрист, скажи: это реально? Есть шанс?

– Шанс есть всегда. Значит, говоришь, тот ребенок, которого тебе для похорон отдали, был маленький и шуплый?

– Да. Слишком маленький. Я думаю, в нем и трех килограммов не было. А мне врачи сказали, что у меня ребенок крупный, около четырех должен весить. Целый килограмм – это слишком большая разница!

– А Юлиана тоже весила четыре килограмма. У нас в роду все крупными рождались. Моя сестра...

– Подожди, мама. Так что же, Полина, мне делать? Куда идти? Главврач со мной говорить не хочет. В милицию я уже обращалась. Со мной следователь поговорил, вину врачей не увидел. «Вы труп ребенка получили? Похоронили? Чего вам еще? Идите домой и рожайте других!» Тем более что и заключение патологоанатома у меня есть.

– А в свою поликлинику ты обращалась?

– Естественно! Они провели обследование еще раз – никакой инфекции и в помине нет!

– Справку тебе дали?

Юлиана встала, подошла к книжному шкафу. Достала из одного из ящичков пакет с бумагами.

– Вот справка о моем здоровье. Видишь, все анализы. Заключение: здорова! Вот заключение патологоанатома – «Внутриутробная гибель плода от внутриутробной инфекции»! Упасть – не встать! Два медицинских учреждения противоречат одно другому. Одна справка говорит о том, что я здорова, другая – что я больна. Кому верить? Кто из них врет?!

– Скорее всего, врет патологоанатом. Ты это следователю показывала?

– Да все я ему показывала! Он и слушать меня не хочет. Говорит: нет оснований для заведения дела.

– Тут он не прав. Оснований больше чем достаточно. Хотя бы несоответствие этих двух справок. Юль, ты готова пройти еще одно обследование?

– Да хоть десять, если это поможет мне вернуть Ванечку!

– Тогда слушай. Есть одно медицинское учреждение – «Центр планирования семьи» называется. Там очень серьезные врачи и хорошее оборудование. Нужно пройти генетическое обследование. Это, конечно, не бесплатно. Но...

– Я готова!

– Хорошо. Тогда назови мне фамилию следователя, отказавшегося завести дело.

– Хомяков Игорь Игоревич. Он в нашем отделении в двадцать первом кабинете сидит. Полина, что ты собираешься делать?

– Ты для начала пройди обследование. И вот тебе мой сотовый, набери, чтобы у меня высветился твой.

Мы обменялись номерами, и я засобиралась домой.

– Нет, Полина, ну правда, есть надежда?

– Надежда, как известно, есть всегда. И умирает она последней. Знаешь, почему? Сначала она всех других замочит!

Я ехала в машине домой и раздумывала. Правильно ли я поступаю? Зачем я вообще лезу туда, куда меня никто не приглашал? А может, главврач роддома права? И у Юльки действительно была какая-то скрытая инфекция, которую обычным способом в поликлинике не распознать? Возможно ли такое? Вполне. А то, что она слышала крик своего ребенка, – это вообще вилами на воде писано. Вдруг у нее после укола в голову все помутилось! Да, все как-то туманно и неопределенно. Ясно только одно: если Юлька права и ее ребенок в чужих руках – дело дрянь. И ей плохо – она сходит с ума от безысходности, и ребенку плохо. Говорят,

что дети, даже только что рожденные, чувствуют свою мать, ощущают ее присутствие рядом с собой. Просто на инстинктивном уровне. Если это так, то Юлькин сын тоже страдает без своей мамы. Тогда спасать мне придется уже двоих...

Глава 3

– Мамочка, поздравляю, у вас – девочка.

Женщина в белом халате поднесла сверток ко мне поближе и сняла пеленку. Маленькое красное тельце, из животика тянется пуповина с металлическим зажимом. Он сверкает никелем и совсем не вяжется с этим крохотным живым комочком... Личико у него сморщенное, несчастное. Но глазенки уже приоткрыты и смотрят куда-то, куда – непонятно, но смотрят! Девочка! Это не просто девочка, это *моя* девочка. И это все меняет. Это самый важный момент в моей жизни, я понимаю, что все будет теперь по-другому. Я уже не просто Полина Козакова, я – мама! А этот писклявый красный комочек с тремя волосинками на макушке, прилипшими к темечку, – моя дочь! Это я дала ему жизнь. Вернее, ей. И она теперь полностью зависит от меня. Я для нее – целый мир, ее мир. И поэтому жить я теперь должна иначе, не так, как жила до сего дня. Вот что значит – увидеть своего ребенка...

– Да проснись же ты, наконец! Сколько можно считать!

От звуков этого резкого голоса я открыла глаза и увидела Алину. Она стояла надо мной с встревоженным видом.

– Уф, я уже испугалась!

– Чему? – не поняла я, оглядываясь вокруг и удивляясь, куда исчезла родильная палата со всеми врачами и моей дочкой.

– Как чему? Бужу, бужу тебя уже полчаса, а ты все спишь! Я тебе говорю: когда я досчитаю до пяти, ты проснешься. Я уже восемь раз до пяти считала, причем туда и обратно, а ты...

– Я уснула?

– Ты была в состоянии транса. Это я тебя в него ввела. Ты совсем ничего не помнишь? Я тебе велела смотреть на маятник, потом сказала, что, когда я досчитаю до пяти, ты уснешь...

– Да, я вспомнила. Ну и что я делала под гипнозом? Лаяла, блеяла или пела голосом Робертино Лоретти?

– Ни то, ни другое и уж тем более ни третье. Я тебе внушила, что ты в роддоме и рожашь.

– Зачем?!

– Хотелось посмотреть, как ты будешь себя вести.

– Ну что, посмотрела? Понравилось? Рожать сама теперь не передумала?

– Нет, знаешь, ты «рожала» довольно хорошо, тихо стонала, а потом так широко улыбнулась!...

– Это ты мне сказала, что у меня девочка?

– Ну, ты же спрашивала, кто у тебя родился! Надо было что-то ответить...

– Слушай, Алина, мне такие эксперименты над моей психикой не нравятся! Больше меня гипнотизировать не надо.

– А на ком же мне учиться?! Кто, кроме близкой подруги...

– Вот именно – близкой! А своих близких надо беречь, – наставительно сказала я.

– Так учиться-то мне на ком? Теорию я прочитала, а практику как же пройти?

– Ладно, подопытного кролика я тебе найду.

– Аристарха Владиленовича?

Я помялась. Отдавать любимого деда на алтарь науки мне все-таки не хотелось. Тем более Алине.

– Подумаем. А пока топай-ка в кухню, кофейку попьем.

– ...И вообще, все неприятности в жизни – от мужчин. А от мужчин-бизнесменов – тем более! У них же время от времени возникают проблемы с законом. Ну, кто виноват, что не умеют они с ним ладить?! Они его нарушают, а их за это привлекают. А они ищут способ уйти

от всего этого и используют для этого женщин, работающих в милиции. Особенно одиноких женщин. Особенно Катьку... Полин, ты меня слышишь?

– Что?

Оказывается, подруга уже давно о чем-то рассказывала взхлеб, а я даже не слышала, о чем идет речь.

– Слушай, ты какая-то странная стала! Я тебе про Катьку Кольцову рассказываю, а ты в прострации висишь. Тебе не интересно?

– Мне очень интересно, особенно про Катьку, – уверила я подругу, – кстати, а кто это?

– Катька? Катька кто? Моя знакомая. Я тебе о ней сто раз рассказывала.

– Да? Извини, я что-то задумалась. И что там с Катькой?

– Я же говорю, он обратился к Катьке, а та работает в милиции. Одинокая тридцатилетняя женщина. Так он, гад, хотел через нее решить свои проблемы. Бизнесмен хренов! Полин, и почему эти мужики такие меркантильные?!

– Риторический вопрос. Слушай, а эта твоя Катька может навести справки об одном человеке, работающем в милиции?

– Полина, и ты туда же!

– Я ведь не собираюсь решать свои проблемы с ее помощью. Мне только надо узнать об одном следователе. Его зовут Хомяков Игорь Игоревич. Он работает в Пролетарском РОВД, сидит в двадцать первом кабинете.

Алина хихикнула:

– Двадцать первый? Очко, значит! На очке работает...

– Алина, узнай, пожалуйста, мне это очень нужно.

– Опять что-то затеваешь?

– Похоже, да.

– Тогда рассказывай!

Пришлось мне обо всем рассказать Алине. Как я была у Раисы Константиновны и Юлианы, что случилось с подругой моего детства, как она потеряла ребенка.

Алина покивала мне головой:

– Вспомни бревно – вот и оно! Когда манто твое мерили, про беременность говорили. И нате вам – все в тему! И что ты с этой Юлианой собираешься делать?

– Для начала я попросила ее пройти еще одно обследование в «Центре планирования семьи». Чтобы уж наверняка. Если у нас на руках окажутся две официальные справки о том, что Юлиана здорова, можно нагрянуть к главврачу роддома и потребовать объяснений – откуда они взяли эту внутриутробную инфекцию?

– Думаешь, подействует?

– Там видно будет.

– А этот крендель, как его?..

– Хомяков. Ты что, Алина, забыла фамилию? Как же ты хотела наводить о нем справки?

– Нет, не забыла. Хомяков, Хомяков... Хомяк, короче, так я точно не забуду. Он-то сюда каким боком прилепился? Папаша, что ли?

– Нет. Это следователь, отказавший Юлиане в возбуждении дела.

– А-а... Понятно. Я же говорила: все неприятности в жизни – от мужчин!

После кофе Алина уехала к себе, а я принялась готовить ужин.

* * *

В понедельник с утра я занялась приведением своей комнаты в надлежащий вид. Но свою комнату – пусть и изредка – я предпочитаю убирать самостоятельно, чтобы не разлениться

окончательно. Надо сказать, сама я убираюсь довольно-таки редко, у нас имеется приходящая горничная.

Едва только эта светлая мысль о небольшой физической разминке пришла мне в голову, как раздался телефонный звонок. Звонила Алина.

– Полина, я твою просьбу выполнила – насчет хомяка!

– Я вся внимание.

– Короче: старший лейтенант из двадцать первого кабинета, следователь Хомяков. Молодой человек тридцати лет. Не женат, живет в коммунальной квартире, амбициозен, мечтает о большой квартире, дорогой машине и прочем. Ездит на старенькой «восьмерке», номер 310. Кстати, я не зря сказала про хомяка! Он действительно, как хомяк, тащит к себе все, что плохо лежит. Коллеги так и зовут его за глаза. Катька говорит, что ради денег этот тип готов на все.

– Да? Это радует!

– Что ты собираешься с ним делать?

– Надо подумать, так сразу и не скажешь!

– А я тут через Интернет познакомилась с гипнотизерами-любителями. У нас через час встреча. Ну, давай, удачи тебе!

Нечаева отключилась. Она была, как всегда, в своем репертуаре. Надо сказать, что моя подруга по натуре очень деятельная: она постоянно участвует в каких-то движениях, записывается на какие-то курсы, стоит в пикетах, то есть являет собой полную противоположность мне с моим лучшим другом – креслом.

А я сейчас должна как следует поработать извилинами и решить – что мне делать с этим старшим лейтенантом Хомяковым, который не хотел заводить дело по поводу роддома? Для начала, похоже, придется мне последить за ним какое-то время, посмотреть, что он собой представляет. Может, он и не такой, каким описала его Алинкина знакомая? Может, она имеет на него зуб за отказ проводить ее домой или еще за что-нибудь в этом духе? Итак: я еду к отделению милиции и наблюдаю за Игорем Игоревичем. И приступить к слежке мне надо уже сегодня, наверное, зачем зря время терять?

Я на всякий случай загримировалась, надев черный парик и сильно подведя стрелки на веках. Темная губная помада, бежевые румяна на скулы – и вот я стала жгучей брюнеткой. Надев новое пальто и темные солнечные очки, я вышла из дома.

По городу я ехала очень аккуратно, не нарушая правил и старательно уступая дорогу пешеходам. Если гаишники остановят меня, трудно будет объяснить, почему я так не похожа на девушку с фотографии на моих правах.

А вот и здание милиции. Мрачное, как тюрьма. Серое, штукатурка местами облупилась, краска на рамах облезла. Может, его специально не ремонтируют, чтобы оно было похожим на тюрьму, чтобы преступники заранее морально готовились к тому, что их ждет? Тюрьмы-то у нас тоже – далеко не дворцы бракосочетания... Тогда почему же остальные люди, нормальные, не совершившие ничего дурного, должны страдать, приходя в такое здание? И куда, интересно, мне поставить машину? Стоянка перед крыльцом забита до предела.

Я нашла укромное местечко для своего «Мини-Купера» на противоположной стороне улицы. Так будет удобнее наблюдать за входом. Да и машины на противоположной стороне никого не интересуют. Я увидела на стоянке темно-зеленую «восьмерку» с номером 310. Значит, господин Хомяков находится на своем рабочем месте. Трудится, так сказать, на благо своей родной милиции. Что ж, понаблюдаем за ним, познакомимся для начала зрительно.

Часа два, проведенные в машине, ничего мне не дали. Но вот из здания по одному потянулись люди: рабочий день подходил к концу. Одни садились в свои машины, другие шли к остановке «маршрутки».

Человек, подошедший к зеленой «восьмерке», разочаровал меня до невозможности. Он был довольно маленького роста, худощавый, плюгавенький, и вообще, какой-то бесцветный.

Только форма придавала ему хоть какой-то вес, иначе его можно было принять за двенадцатилетнего подростка.

Хомяков долго не садился в свою машину, сперва он шарил по карманам, потом возился в багажнике, проверял давление в шинах. Наконец он залез-таки в свою машину, что-то там пытался найти, все копошился... Мне с моего пункта наблюдения плохо было видно. Но вот он, кажется, нашел все что хотел, захлопнул дверцу, и машина медленно начала выезжать со стоянки. Я запустила двигатель.

Зеленая «восьмерка» ехала в один из окраинных районов. Она остановилась у дешевого сетевого магазина, и Хомяков направился к его дверям. Мне тоже пришлось проследовать за ним.

В торговом зале он ходил с металлической корзиной и собирал в нее с прилавков дешевые хлеб, масло, пачку пельменей. Я держалась на некотором расстоянии от объекта слежки, стараясь не попадаться ему на глаза. Хомяков двинулся к кассе.

Я быстренько бросила в свою корзину пачку печенья и шоколадку и направилась за ним. В очереди к кассе мы оказались через одного человека. Когда настал черед Хомякову платить, он, словно нехотя, полез в кошелек, долго шарил там, наконец, протянул продавщице деньги. Получив сдачу, пересчитал ее, зажал деньги в кулаке и отошел к столу. Здесь он достал из кармана пакет и стал перекладывать в него продукты.

Я зря боялась упустить из виду моего подопечного. Пока он возился со своими продуктами, кассирша успела отпустить и человека, стоявшего впереди, и меня саму. Так что из магазина я вышла следом за Хомяковым.

Я сопровождала его до самого дома, узнав таким образом, где он живет. Дом был старый, трехэтажный, такой же обшарпанный, как и здание милиции. Я постояла некоторое время у подъезда. Игорь Игоревич вышел только однажды с мусорным ведром. Он был одет в старое трико с пузырями на коленях и линялую рубашку. Содержимое ведра полетело в бак, стоящий неподалеку. Хомяков вернулся в подъезд. Больше ничего значительного в этот день мне увидеть не удалось.

Я вернулась домой.

* * *

Утром мне позвонила Юлиана и сказала, что обследование она прошла, ей дали заключение, гласившее, что она абсолютно здорова и способна рожать здоровых детей.

– Вот с этим мы и пойдем с тобой сегодня к главврачу роддома, – сказала я.

– Она не будет с нами разговаривать, вот увидишь, – предупредила меня Юлиана.

– Это другой вопрос. Не будет – найдем другие методы воздействия на нее. Встречаемся у роддома, через час. Собраться успеешь?

Через час я стояла на крыльце старого родильного дома. Вообще-то, в нашем городе есть еще и новый, открытый не так давно. Говорят, там более современное оборудование, и вообще, все просто супер-пупер. Но Юльку угораздило попасть именно сюда.

Рядом со мной суетились мужчина и две женщины. Очевидно, они пришли встречать кого-то.

– Цветы отдашь медсестре, которая вынесет ребенка, – учила мужчину одна из женщин.

– А ей-то за что? Она что, выбирала ребеночка побольше да покрасивше?

– Так положено. Отдашь ей цветы, тебе говорят...

Юлька взбежала на крыльцо роддома.

– Я не очень опоздала? «Маршрутку» долго ждала...

Мы вошли в фойе. За стойкой сидела женщина в белом халате.

– Здравствуйте. Нам надо пройти к главврачу, – официальным тоном сказала я.

– А вы, простите, откуда?

Женщина говорила вежливо, с улыбкой. Она поправила белую шапочку на голове и посмотрела на нас очень приветливо.

Юлиана объяснила ей, кто она такая.

– Так это ты мертвого родила?! – сразу утратив улыбку и свою приветливость заодно, строго спросила регистратор. – Тебя пускать не велено.

– Простите, а разве мы не можем увидеть главврача?

– Я же сказала: пускать не велено!

– И чем это ваша бывшая пациентка так провинилась? – поинтересовалась я.

– Я вам отвечать не обязана. Выйдите из помещения, не положено тут посторонним...

– А мы не посторонние, – сказала я, – Юлиана, где кабинет главврача?

Мы зашагали по коридору в сторону, куда указала моя подруга.

Регистраторша вылетела из-за своей перегородки и рванула к нам со скоростью спринтера. Она встала перед нами и раскинула руки, как птица в полете:

– Не пуцу! Сказано вам: нельзя сюда!

– Да почему нельзя? Мы что, террористки?

– А кто вас знает, может, и террористки! И к тому же вы в грязной одежде. А у нас тут все стерильно, тут роддом, между прочим!

– Да?! – удивилась я. – Ну хорошо, тогда пригласите главврача к нам, мы с ней здесь, в фойе, поговорим.

– Не приглашу, – стояла на своем страж порядка, – все равно Ангелина Романовна не выйдут, а я еще и нагоняй получу!

Я начала объяснять, что мы никому ничего плохого сделать не хотим, только поговорим с главврачом. Но в это время из ближайшей двери вышла еще одна женщина в белом халате и спросила:

– Что тут за шум? Семеновна, чего они хотят?

– К Ангелине Романовне прут, скандалят, уж не знаю, как их и выпроваживать...

– А зачем ты с ними вообще разговариваешь?

– Так я думала, они – из райздрава... Я сейчас милицию вызову, – пообещала нам женщина, – или вы сами уйдете?

Мы покинули роддом и вышли на крыльцо.

– Может, здесь подождем твою главврачиху? – спросила я.

– А толку-то? Вот увидишь, не захочет она с нами разговаривать.

– Но попробовать стоит, раз уж мы сюда пришли.

Мы встали в сторонке и заняли наблюдательный пост. Вскоре стали выносить малышей. Родственники, приехавшие встречать мамаш с детьми, кидались к открывающимся дверям с букетами цветов и коробками конфет. Они обменивали все это на свертки в голубых и розовых одеяльцах и, счастливые, шумные, уезжали домой.

Юлиана смотрела на них с завистью.

– А мне отдали чей-то трупик в рваной пеленке и целлофановом пакете, – мрачно сказала она.

Примерно через час, когда разошлись все встречающие, на крыльцо вышла высокая дородная женщина в черном пальто. Юлиана кинулась к ней.

– Ангелина Романовна, вы меня помните? Я у вас лежала...

– Я не могу с вами разговаривать, мне некогда, – холодно отрезала та и зашагала по тротуару.

Мы с Юлианой пошли рядом с ней, на ходу пытаюсь объяснить главврачу, что никакой инфекции у Юлианы нет, и об этом имеется справка, и даже две, и как же так получилось, что

они в роддоме инфекцию нашли, а поликлиника и «Центр планирования семьи» этого сделать не смогли?

– Отстаньте, пожалуйста, я уже все давно вам сказала! – с раздражением бросила через плечо Ангелина Романовна.

– Но ведь вы поставили неправильный диагноз! Мой ребенок не мог умереть, потому что никакой инфекции у меня нет и не было! Вы обманщица! Где мой ребенок?! Кому вы отдали его?! – в сердцах крикнула Юлиана.

– Если вас что-то не устраивает, подавайте в суд, там поговорим, – с еле заметной усмешкой бросила врача и ускорила шаг.

Мы пробовали было сказать ей что-то еще, но она пригрозила, что, если мы от нее не отстанем, она сама подаст на нас в суд. За клевету и вмешательство в ее личную жизнь. Вот и поговорили!

Мы отстали от шагавшей с гордо поднятой головой женщины, призванной стоять на страже жизни и здоровья беременных женщин и младенцев. К машине мы возвращались понурыми...

– Ну и как? Убедилась? Я же говорила, не будет она с нами разговаривать...

– Тогда идем к следователю, – заявила я.

– Полина, там будет то же самое. «Не вижу причин для возбуждения дела!» Хомяк хренов! Сидит – из-за стола его не видно, а гонору-то! И не объяснишь ничего, тупой, как...

– Он не тупой, ему так удобно. Ну что ж, Ангелина Романовна, не захотели вы с нами по-хорошему – будет вам так, как вы того заслужили.

– Что ты собираешься делать, Полина?

– Садись в машину, поехали к Хомякову!

* * *

Перед кабинетом Хомякова мы остановились.

– Юль, ты туда пойдешь одна. Я подожду тебя здесь. Войдешь – дверь плотно не закрывай, я послушаю ваш разговор. Покажи справку и требуй возбуждения дела, поняла?

– Да.

– Давай!

Игорь Игоревич сидел в своем не очень шикарном кабинете и что-то печатал на компьютере допотопного вида. В ответ на Юлианино приветствие он только поднял на нее глаза. Я наблюдала эту картину в щелочку. Меня следователь не видел.

– Я – Любимова, по поводу своего умершего ребенка, – напомнила Юлиана. – Я прошла еще одно обследование в «Центре планирования семьи», у меня и там не нашли никакой инфекции.

– Да помню я вас, – поморщился Хомяков. – Обследование... От меня-то вы чего хотите?

– Как – чего?! У меня две справки на руках о том, что я здорова, вот в этой так и сказано: здорова и может рожать здоровых детей. А в роддоме...

– Да все я знаю, что вам сказали в роддоме. От меня-то вы чего хотите?

– Возбуждения дела. Я уже приносила вам заявление...

– Да помню я, что вы мне приносили! Я вам что сказал? Нет оснований для возбуждения дела. Не-ту!

– Как нету?! А справка, что я здорова? В роддоме врут, что мой ребенок умер от инфекции.

– Гражданочка! Ну подумайте сами: зачем им в роддоме врать?

– Они моего здорового ребенка кому-то отдали, а мне подсунули труп чужого!

– О! Просто фильм ужасов какой-то! Вы сами-то в это верите?

– Я это знаю! Я чувствую, что мой ребенок жив и...

– Извините, ваши чувства к делу не пришьешь! Я вот тоже чувствую, что вы просто хотите работникам роддома нервы потрепать. Я понимаю: у вас горе. Ребенок умер. Но врачи-то при чем? У вас есть справка, что вы здоровы? Прекрасно! Идите и рожайте здоровых детей!

– А вы мне не указывайте, что мне делать! Я без вас знаю, рожать мне еще или нет! – Юлька, кажется, начинала кипятииться.

– А вы мне тоже не указывайте, заводить мне дело или нет! – в тон ей ответил Хомяков. – Я и без вас знаю, что мне делать.

– Вы должны найти моего похищенного ребенка! Его украли, это вам понятно?! Я знаю, что он жив! Мне гадалка сказала, что он жив, просто он где-то далеко...

Это она зря – про гадалку. Хомякова это только рассмешило:

– Да знаю, знаю! Я беседовал с главврачом роддома. Она сказала, что у вас послеродовая депрессия, тем более что и смерть ребенка на вас плохо повлияла. Так что это скорее уже послеродовой психоз...

– Как вы смеете?! – взорвалась Юлиана.

– А вы, гражданка, не шумите здесь! У нас для особо буйных есть свои методы усмирения...

Я почувствовала, что дело принимает нежелательный оборот. Что за человек этот Хомяков, я и так давно уже поняла, а скандал нам совсем ни к чему. Я схватила сотовый и включила Юлькин номер. У нее зазвонил телефон.

– Да!

– Быстро выходи оттуда. Ничего не говори, просто повернись и уйди!

Я говорила почти шепотом, так как находилась в непосредственной близости от кабинета Хомякова. Через секунду она появилась в дверях. Я взяла ее за руку и быстро повела по коридору.

– Полин, нет, ну ты слышала, ЧТО он мне сказал?! Что я – сумасшедшая! У меня украли ребенка, и я же еще, выходит, ненормальная?!

– Не надо было про гадалку говорить.

Мы вышли в фойе.

– И что нам теперь делать? – спросила она.

– Юль, конечно, мы можем еще к его начальнику сходить, но вряд ли это что-то даст. Если Хомяков справлялся о тебе в роддоме, и там сказали, что у тебя послеродовая депрессия... Понимаешь, врачи вообще могут приписать тебе какие-нибудь отклонения «с головой». А что, вполне правдоподобно: женщина свихнулась от горя. А если будешь еще им о гадалках и о своих ощущениях рассказывать, что, мол, ребенок жив... Ходи потом по психиатрам, доказывай, что ты не верблюд!

– Поль, а делать-то теперь что? Видишь, как он со мной?... Я же говорила... говорила...

Юлиана расплакалась.

– Давай для начала отсюда уйдем. А то дежурный смотрит на нас как-то подозрительно. Мы вышли из отделения.

– Поедем ко мне, – предложила Юлька, – мама на работе, можно будет спокойно поговорить. Здесь ведь совсем рядом.

Глава 4

Мы сидели у Юльки в кухне, пили кофе с пирогами и обсуждали план наших дальнейших действий.

– Тебе когда на работу? – спросила я.

– Через две недели. Мне дали догулять декретный отпуск по справке о смерти ребенка...

– Значит, пока что ты свободна. Я для начала познакомлюсь с господином следователем.

И еще хорошо бы иметь своего человека в роддоме. У вас там никого знакомых нет?

– А это тебе зачем?

– Всегда лучше иметь свои глаза и уши в стане врага.

– Нет, знакомых в роддоме у нас нет. Может, у друзей поспрашивать?

– Не надо, не светись нигде с этим вопросом. Знакомых я найду сама.

– Как?

– Это мои проблемы. И еще, надо бы побольше узнать о главвраче, Ангелине Романовне.

Придется за ней последить.

– Поль, зачем тебе все это?

– Чтобы Ванечку твоего вернуть! Ты ведь хочешь своего карапуза увидеть?

– Да я уж и не знаю, возможно ли это...

– Ну, ну, Юль, только нос не вешай!.. Слушай, раз ты все равно свободна, последи несколько дней за Ангелиной. Только так, чтобы она этого не заметила. Я тебя научу, как это сделать. Надеюсь, у тебя найдется в гардеробе что-нибудь, в чем она тебя не видела?

Юлиана пошла в спальню, перетряхивать свой туалет, а я набрала номер Нечаевой:

– Алина, у тебя случайно нет знакомых в нашем старом городском роддоме?

Нечаева хихикнула:

– Как?! Уже?! Тебе понадобилось лечь в роддом? Значит, зря ты расклеенное пальто не купила!

– Мне не за этим. Ну говори, есть у тебя там знакомые?

– Есть-то есть, но такие знакомые, знаешь, как клопы в матрасе... Бабка-пьянчужка из нашего дома санитаркой там работает. Только ее скоро, похоже, уволят, за пьянство и прогулы.

– Что, она совсем никчемная?

– Совсем. Во-первых, ей уже под семьдесят. Во-вторых, она выпить любит, а покурить – еще сильнее, чем выпить. Ее там, по-моему, только из жалости держат. Но если раньше она хоть убиралась хорошо, то в последнее время...

– Спит на дежурстве?

– Хуже! Прогуливает. Я слышала, на нее жалоб много. Похоже, очень скоро ее «попросят». Так что извини, помочь, наверное, я тебе в этом не смогу. А что ты хотела?

– Слушай, а может, это и к лучшему...

– К лучшему? Чем же сможет тебе помочь пьянчужка?

– Именно этим и сможет! Ты не в курсе, что она пьет?

– Что обычно пьют такие люди? Дешевое бухалово, бурду какую-нибудь.

– Алина, слушай меня внимательно! Ты должна сделать для меня кое-что. Беги в магазин, купи ящик такого бухалова, подешевле и покрепче. И несколько пачек дешевых папирос. Ну, и закуску, что-нибудь попроще: плавленые сырки, кильку в томате...

– Полина, ты что задумала?! Что я с этим всем буду делать?

– Успокойся, это не для тебя. Подаришь бабушке. Надо, чтобы эта поклонница Бахуса несколько дней не выходила из дома и пила, не просыхая.

– Ого! А ты, оказывается, из тех, кто спаивает русский народ!

– Одна бабушка – это еще не народ. И потом, она и без нас спивается. А так – хоть доброму делу послужит своей печеню. Так что давай, Алина, действуй!

* * *

Я села у зеркала – гримироваться. Будем рассуждать логически. Хомяков – существо невзрачное и, я бы даже сказала, бесцветное. Таким обычно нравятся яркие личности, и не только яркие внутренне, но и внешне. Значит, я стану для него жгучей брюнеткой. Пригодились мне курсы стилистов, которые я когда-то закончила. Черный парик, черные линзы в глаза, яркая губная помада. Если в прошлый раз он меня заметил (что вряд ли), значит, скажу, что я живу в этом районе.

А может, лучше заявиться прямо к нему в кабинет? Сесть на стол, театрально так закинуть ногу на ногу... И надо быть обязательно в декольте, и юбку надеть покороче... Такие осторожные и нерешительные мужчины, как правило, любят раскрепощенных девиц. Их притягивает и восхищает незакомплексованность таких дамочек. Что ж, так, пожалуй, и сделаем.

Я припарковала мой «Мини-Купер» на противоположной от здания милиции стороне. Дело шло к вечеру. Машина Хомякова стояла на стоянке. Скоро он поедет домой, и тут-то мы с ним и столкнемся. В прямом смысле слова. Я приклеилась глазами к двери.

Не прошло и часа, как показался Игорь Игоревич, во всей своей милицейской красе. Он, как и в прошлый раз, неторопливо подошел к машине, оглядел ее со всех сторон, словно в первый раз увидел. Постучал ногой по колесам, открыл багажник, поковырялся там, наверное, хотел что-то найти. Не нашел, бедолага, полез в бардачок. Я поняла, что этот ритуал он продельывает всякий раз, садясь за руль.

Но вот он стал сдавать потихоньку задом, и тут, откуда ни возьмись, появилась я! Конечно, я оказалась перед ним как нельзя вовремя. Я осторожно приближалась к зеленой «восьмерке», пока она не стала выезжать на проезжую часть, и тут я прилипла к ней вплотную. Я посигналила, но было поздно. Наши машины столкнулись. Ну, не столкнулись, конечно, просто едва соприкоснулись. Я остановилась и выскочила из машины:

– Ах, ах, вы меня стукнули! Вы что, не видите, куда сдаете?!

Хомяков тоже вышел из машины. Он подошел к бамперу и посмотрел на него. Он был бледен.

– Это вы должны были смотреть, – зло сказал он, – я задом сдаю, а вы передом едете!

– Давайте дэпээсников вызывать, – капризно надула я губки, – моя машина очень пострадала!

– Да нет, совсем она не пострадала, – сказал Хомяков, осматривая места мнимого удара, – слава богу, ни у вас, ни у меня царапин нет.

– Как же нет?! А это?

– Это не царапина, а грязь.

– Что вы говорите? Ну-ка, ну-ка...

Я нагнулась низко, так, чтобы мое декольте оказалось у него прямо перед глазами. Взгляд Хомякова сразу перескочил с его бампера на вырез моей кофточки.

– Нет, успокойтесь, все в порядке, – сказал он уже мягче.

– Ах, я так переволновалась, так переволновалась!.. У меня даже голова закружилась... Ах, что-то мне нехорошо...

Я рухнула на переднее сиденье своей машины и обмахнулась ладонью.

– Вы что, и ехать не можете? – спросил Хомяков, продолжая пялиться на мое декольте.

– Не могу, – простонала я умирающим голосом.

– Тогда, может, пройдем ко мне в кабинет? Я здесь работаю, – показал он рукой на дверь отделения милиции, – я вам успокоительного накапаю и чаем напою.

– Да?.. Ну, хорошо, спасибо...

От его слов мне стало немного лучше – но лишь немного. Хомяков сам сел за руль моего «Мини-Купера», поставил его на милицейскую стоянку, потом попросил меня взять его под руку. Когда я встала с ним рядом, то обнаружила, что он ниже меня ростом. Правда, его самого это ничуть не смутило. Мы вошли в отделение, миновали коридор и остановились около двадцать первого кабинета. Мой спутник достал ключи, открыл дверь и широким жестом пригласил меня войти.

Я шагнула в его кабинет.

– Сейчас я вам чаю сделаю, хотите?

– Да, это вернет мне силы, – простила я, опускаясь на ближайший стул.

Игорь Игоревич схватил чайник, но он оказался пустым.

– Я сейчас... я за водой... – Он выскочил за дверь.

Я от нечего делать принялась рассматривать старые стены кабинета. О-о-о... как здесь пусто и голо: такое впечатление, что отсюда вынесли все, что представляло хоть какую-то ценность! На окнах – ни горшочка с цветками, на стенах – ни плакатика или картинка какой-нибудь. В углу стоит облезлая напольная вешалка. Стол. Стул. На столе – допотопный компьютер. Вертящееся кресло, облезлое, как и все остальное. Книжный шкаф. Сейф в углу с облупившейся краской. Стены когда-то оклеили обоями, но это случилось, должно быть, еще при царе Горохе. За столько лет обои выцвели почти полностью и местами отставали от стен. Люстра под потолком. Как это ее не унесли, ведь она имеет более-менее приличный вид? Должно быть, до нее просто не достали, высокогато. В кабинете было изрядно намусорено, на подоконнике и на сейфе лежали какие-то бумажки, пластиковые бутылки из-под минералки, пустые упаковки из-под чая... Только пол был чистым, должно быть, уборщица привыкла именно так выполнять свою работу, обращая внимание только на пол. Да, как-то здесь неуютно и безрадостно...

Конечно, хорошо бы сюда наклеить другие обои, какие-нибудь неброские, неяркие, лучше персикового цвета. А на ту вон стену повесить картину, что-нибудь глобальное, историческое. Например, «Иван Грозный убивает своего сына». А напротив – «Утро стрелецкой казни»!

Хомяков прибежал с чайником, включил его и полез за чашками в сейф. На мой немой вопрос он пояснил:

– Есть у нас в соседних кабинетах любители приходить в гости и забирать чистые чашки. А потом возвращать грязные либо и вовсе не возвращать. Вот и приходится прятать.

В это время зазвонил телефон на его столе. Хомяков не хотел брать трубку, я это видела, но, похоже, ему стало неудобно передо мной, и он ответил:

– Хомяков слушает... Да, рассмотрел... Да там водитель-любитель въехал в урну... Да, передал в суд... Штраф, это однозначно! Любишь сшибать урны – люби платить за это удовольствие. Не для того они в городе стоят, чтобы каждый, кому вздумается, их сшибал... – Он положил трубку и спросил: – А почему вы чай не пьете?

– Уже пью, – ответила я кокетливо. – А ваша фамилия, оказывается, Хомяков?

– Игорь Игоревич, – поспешил добавить он. – А вас как зовут?

– Лина.

Я и не думала называть Хомякову свое настоящее имя, но и врать было опасно. Он, как представитель власти, мог проверить мои документы. И если смену имиджа я еще могла оправдать своим женским кокетством и стремлением найти новый образ, то чужое имя объяснить мне было бы весьма затруднительно. Поэтому я назвала свое имя, только неполное, если что – скажу, друзья меня так зовут, по-домашнему, коротко и мило.

– Ли-на, – нараспев произнес Хомяков, не сводя с меня глаз. – У вас очень красивое имя... – И он покосился на мой бюст.

Прогремел гром. Мы оба повернули головы и посмотрели в окно: на улице шел дождь.

- А синоптики обещали солнечную погоду, – печально сказала я.
- Я хочу, чтобы ливень был очень сильным, – Хомяков вперился в меня своими бесцветными глазками, – тогда вы не уйдете отсюда еще долго!
- Я игриво посмотрела на него и сказала капризно-лукаво:
- У меня машина под окном, Игорь Игоревич.
- До машины вы не сможете добежать: дождь льет как из ведра.
- Она стоит в двух шагах от крыльца.
- Все равно... не уходите!
- Так я уже чай выпила...
- А я вам еще налью!
- Я не хочу чаю.
- А что вы хотите?
- Кофе.
- Тогда я приглашаю вас в кафе!
- В какое?
- Тут недалеко.
- А на чем мы поедem?
- Можем поехать на моей машине.
- А как я потом доберусь до своей?
- Я вас подвезу.
- Снова зазвонил телефон. Хомяков посмотрел на меня.
- Почему вы не берете трубку? – удивилась я.
- Мой рабочий день уже закончился, – отрезал он.
- Тогда идем в кафе?
- Игорь Игоревич встал и протянул мне руку, как галантный кавалер.
- Народу в кафе было мало: кому придет в голову в такой ливень разгуливать по городу и приглашать свою даму в увеселительное заведение? Мы сели за дальний столик. Хомяков заказал нам по чашечке кофе и по одному пирожному «эклер». Обстановка была приятная, играла музыка. Мой кавалер не сводил с меня глаз.
- Лина, где вы работаете?
- Хомяков смотрел на меня так, словно собирался меня обворовать. Я удивленно вскинула брови:
- Я похожа на девушку, которая где-то работает?
- А-а... Я имел в виду, каким образом вы получаете свой доход?
- Вы спрашиваете, как налоговый инспектор, – пожурела я моего кавалера.
- Он смутился, замялся, что-то забормотал в свое оправдание.
- Да ладно, – великодушно простила я ему эти ментовские замашки, – я работаю на себя, у меня свой маленький бизнес.
- Маленький?
- Да, небольшой. Но мне хватает.
- И какой же у вас бизнес?
- Что-то он слишком любопытен! Видит девушку в первый раз и привязывается с такими вопросами. Или в нем говорит мент?
- Вы, Игорь Игоревич, меня сейчас как милиционер спрашиваете или вам просто любопытно? – игриво осведомилась я.
- Мне просто интересно, чем может заниматься такая красивая девушка?
- Мой бизнес вполне легален.
- Я не сомневаюсь!

Мы доели пирожные и допили кофе, но мой кавалер не торопился заказать что-либо еще. Экономный! А точнее сказать, жадный. Мы еще какое-то время беседовали, я кокетничала, он миндальничал. Я очень старалась понравиться ему, он, похоже, преследовал ту же цель. Так что через полчаса, когда мы выходили из кафе, я уже была «очарована» моим новым кавалером.

Дождь все еще лил.

– Я довезу вас до вашей машины, – Хомяков галантно распахнул передо мной дверцу своей «восьмерки».

Я села.

– Вы в каком звании? – спросила я, рассматривая хомяковские погоны.

– А вы разве не знаете, Лина? Три маленькие звездочки – это старший лейтенант.

– Что вы говорите?! Вы такой молодой, и уже старший лейтенант? А вы кто, опер?

– Нет, я следователь.

– Следователь?! В самом деле?! Как это интересно! У меня еще не было кавалера-следователя. А это трудно – работать следователем?

– Как вам сказать, Линочка...

– Ну, хотя бы не опасно?

– О чем вы говорите! Да сейчас по улицам просто ходить – и то опасно! Столько преступников развелось!.. И просто придурков.

– Ой, Игорь Игоревич, и не говорите!

Мы подъехали к стоянке у отделения милиции. Я вышла из хомяковской машины и подошла к своему «Мини-Куперу». Мой кавалер галантно распахнул передо мной дверцу моей машины.

– Лина, мы с вами еще увидимся?

– Ой, Игорь Игоревич, я не знаю. Вряд ли... Я так занята!

– Линочка, не говорите так! Я должен знать, что увижу вас еще.

Хомяков не давал мне закрыть дверь моей машины.

– Ну хорошо, Игорь Игоревич, запоминайте мой сотовый...

Отъезжая от отделения милиции, я просто затылком чувствовала его взгляд. В зеркале заднего вида маячила его тщедушная фигурка, стоявшая на том же месте и смотревшая мне вслед. Так, ну, кажется, задача начала выполняться. Я познакомилась с Хомяковым, заинтересовала его, теперь увлечь бы его посильнее! Если он позвонит – а я была в этом уверена, – я соглашусь на свидание и стану обрабатывать моего кавалера всерьез.

Я приехала домой и поставила машину во дворе. Ариши не было, скорее всего, дед отправился в казино. Дождь закончился, стоял прохладный, но тихий вечер. Посижу одна и обдумаю план моих дальнейших действий. Я разогрела блинчики с мясом и села ужинать.

Итак, контакт с Хомяковым налаживаю я. Алина спаивает бабушку-санитарку из роддома. Необходимо, чтобы та подольше не выходила на работу, тогда ее наверняка уволят. А мы подошлем туда своего человека. И будет у нас в роддоме «засланный казачок»! Кстати, кого-то надо найти на эту роль. Кто может пойти работать в роддом? Юлиане нельзя, ее там знают, ее маме – тоже, у них с дочерью одна фамилия, Алина на такие «должности» вообще не годится, она в принципе не может работать физически, тем более за маленькую зарплату. Тогда кто?

А может, у Любимовых имеется на примете подходящая кандидатура? Я набрала домашний номер Юлианы.

– Юль, это Полина. Скажи, у вас есть кто-то неработающий, кто мог бы на время устроиться в роддом на почетную должность санитарки?

– Даже не знаю. Надо подумать... А возраст значение имеет?

– Ничего такое тут значения не имеет. Роддому скоро срочно понадобится санитарка. Так что, Юлиана, думай! А то туда пригласят постороннего человека, и все наши труды пойдут прахом.

– Полин, я даже не знаю... Давай я с мамой посоветуюсь и перезвоню тебе.

Она отключилась. Я сделала себе бутерброд с сыром и налила чай. Так, идем дальше! Юлиана следит за главврачом из роддома. Я научила ее гримироваться и переодеваться, так что Ангелина Романовна не должна ее узнать. Ну, разве что Юлька столкнется с ней буквально нос к носу. Но этого случиться не должно, если она будет точно соблюдать все мои инструкции.

Зазвонил телефон. Я подняла трубку.

– Полина, это я, Юлиана. Мы посоветовались с мамой... Короче, у нас есть хорошая кандидатура. Буквально несколько недель тому назад мамина сестра, тетя Валя, вышла на пенсию. Она могла бы пойти работать в роддом. Если...

– Что «если...»?

– Если ее возьмут. Она ведь работала в Пенсионном фонде. Такие люди, как правило, санитарками не устраиваются. Это не вызовет подозрений?

– Не должно. Надо придумать ей легенду, почему она пошла именно в роддом и именно санитаркой.

– Да, мы подумаем... Я попозже перезвоню.

– Ты за Ангелиной сегодня следила?

– Да. Ничего особенного я не увидела. С работы она, как обычно, ушла вскоре после выписки женщин. Зашла в продовольственный, отоварилась, потом отправилась в ателье, наверное, шьет что-нибудь на заказ... Так, потом она побывала в магазине детской одежды... Потом пошла домой. Все!

– А в магазине детской одежды что она делала?

– Полин, я не знаю, я ведь туда не заходила.

– Жалко! Надо было просочиться следом за ней и посмотреть, что она купила.

– А это важно?

– В нашем деле все важно. У нее дети есть?

– Откуда я знаю! Судя по возрасту, должны быть, и уже не маленькие.

– Так вот, насчет ее детей надо все выяснить. Но это я беру на себя.

Я позвонила моему знакомому журналисту Антону Ярцеву.

– Привет, это Полина. Антон, скажи, тебе что-нибудь известно о главвраче старого роддома, Ангелине Романовне?

– О Жудиной?

– Честно говоря, я не знала ее фамилии. Значит, Жудина?

– Ну да. Что мне известно? А в каком плане?

– Антон, в любом!

– Года полтора тому назад я занимался этим роддомом...

– В связи с чем?

– Там произошла одна не очень-то красивая история... Умер ребенок. Матери его не отдали. Сказали, что у нее родился урод или что-то в этом духе. В общем, мать так запугали, что она и сама не захотела его взять, оставила ребенка и ушла. Она потом полгода лечилась у психиатра. У нее что-то с головой случилось на нервной почве. Но, говорят, она все же вылечилась. Потом даже второго родила, правда, уже в нашем новом роддоме.

– Ну и что тебе удалось нарыть?

– Да ничего особенного. Я даже статью не стал писать, материала было мало.

– А откуда ты об этом случае узнал?

– Муж этой женщины позвонил нам и рассказал. Я покопался, но так ничего особенного и не нарыл. Ну умер ребенок, бывает... Женщина тяжело это перенесла – такое тоже бывает. Она второго родила – и успокоилась. Вроде сейчас у нее все нормально.

– Понятно. А про саму главврачиху ты что-нибудь можешь сказать?

– А что тут скажешь? Она не замужем. И детей у нее нет. Опекает свою сестру и племянника. Лет ей... около тридцати семи. Мне тут по секрету шепнули, что она с мужем лет семь прожила, но детей у них не было, он ее и бросил. У него сейчас другая семья. А у сестры ее муж три года тому назад пропал без вести. Просто пропал – и все. Ушел то ли на работу, то ли к родителям, и больше его никто не видел. Его, кажется, по суду признали умершим. А Жудина с тех пор опекает сестру и племянника. Говорят, это ее единственные родные люди. Она ими очень дорожит. Вот и все, что я знаю.

– Спасибо, Антон.

Я положила трубку. Значит, Ангелина могла покупать вещи племяннику. Кому же еще, если своих детей у нее нет? Так, выходит, она племянника любит? Учтем – и используем это в своих целях. Я помозговала еще какое-то время, потом почувствовала, что хочу немного отдохнуть. Я убрала со стола и поднялась в свою комнату.

* * *

Ариша пришел поздно. Я уже легла, но, услышав, как он возится в кухне, накинула халат и вышла к нему. Дедуля мой был в прекрасном расположении духа. Он начал увлеченно рассказывать, как выиграл сегодня у главврача больницы в покер.

– Представляешь, Полетт, в первый раз мне выпала комбинация «стрейт-флэш» – пять карт «червей», начиная с восьмерки. Редкое везение! В другой раз у меня оказался «кикер». Я блефовал на ставке и опять выиграл! Пришлось угостить доктора на радостях коньячком, а потом мы еще перекинулись в «пульку».

Когда он закончил рассказ, я, наконец, смогла заговорить о своем.

– Дед, а я сегодня познакомилась со следователем, который не хочет заводить дело на главврачиху роддома.

Ариша посмотрел на меня понимающе:

– Я так и знал, Полетт, что ты за это возьмешься. Может, так и надо. Должен же кто-то помочь твоей подружке! Ну и как тебе этот субъект?

– Пока могу сказать одно: он жаден, щепетилен, слишком осторожен... А вообще, такой мерзкий тип, что меня от него просто воротит. Ты не представляешь, как он садится в свою машину!

– Неужели верхом, как на лошадь?

– Нет, конечно, но ритуал, который он каждый раз проделывает, прежде чем опуститься на сиденье, достоин отдельного описания!.. Дед, он к этому готовится, как к поездке в какой-нибудь дальний город. Проверяет, хорошо ли накачаны колеса, смотрит, что у него лежит в багажнике, в бардачке, оглядывает весь салон...

– Может, он проверяет, не подложили ли ему бомбу за время его отсутствия?

– Это карта низкого достоинства! Кому может понадобиться взрывать этого хоряка?

– Не скажи! Следователи иногда ведут такие дела!..

Мы поговорили с дедом еще немного, и я отправилась спать.

Глава 5

На другой день, ближе к обеду, позвонила Алина.

– Полин, я все сделала, как ты просила. Купила бабушке шесть бутылок какой-то бормотухи, пять плавленных сырков и столько же банок кильки в томате. Она на радостях даже не спросила, от кого это и за что! Между прочим, она второй день не выходит из квартиры. Так что на работу она сегодня точно не попадет.

– Алина, спасибо, именно это мне и требовалось. Теперь в роддоме, надеюсь, будет работать наш человек! Кстати, как твои успехи в области гипноза?

– Полин, ты не поверишь! У меня получается! И еще, Виктор Генрихович советует мне заняться телекинезом.

– Подожди, а кто такой Виктор Генрихович?

– Как?! Я тебе не говорила?!.. Да нет же, говорила! Я познакомилась с двумя гипнотизерами нашего города. Оказывается, они давно общаются между собой. Второго зовут Эдик, ему двадцать пять лет. Очень талантливый мальчик, подает большие надежды! Я прочитала о них в Интернете, позвонила... В общем, мы встретились, пообщались, я им показала, на что я способна... Виктор Генрихович доволен, говорит, что у меня есть кое-какие данные, только их надо развивать. Дал мне книгу Германа Уолдера «Гипноз – это просто». Я ее сейчас штудирую... Только, Полин, знаешь, тут говорится, что надо все упражнения обязательно на ком-нибудь отрабатывать. Должен быть некий человек, которого гипнотизер...

– Нет, нет, только не я!

– Полина! Для науки...

– Исключено!

– А Аристарх Владиленович?

– Он не может, он спит.

– Он заболел?

– Да. То есть нет. То есть... ему неможется.

– Вот и хорошо! В этой книге говорится, что человека можно вылечить гипнозом. Просто внушить ему, что он здоров, и он проснется здоровым. Попробуем?

– На дедушке? Нет, не стоит...

– Ты не хочешь, чтобы твой дедушка поправился?!

– Алин, знаешь, давай лучше загипнотизируем кого-нибудь другого...

– Кого?! Назови конкретного человека.

– М-м-м... Ну, я не знаю, хотя бы ту же бабушку-пьянчужку... Хотя, нет, неизвестно, как гипноз на нее подействует. Вдруг она бросит пить, начнет вести здоровый образ жизни и пойдет ударно трудиться в роддом, а мне надо, чтобы она пока посидела дома... У тебя разве соседей нет? В конце концов, гипнотизируй прохожих на улице.

– Да?! А это мысль! Я так и сделаю. Только, если у меня ничего не получится, я приеду к тебе, вылечу Аристарха Владиленовича, а потом займусь тобой.

– Меня сегодня не будет дома!

– Тоже мне, подруга называется! Как тебе надо спойть бабушку, я за это берусь! А если мне надо потренироваться в гипнозе на ком-нибудь, так вы сразу дружно болеете и уходите из дома!

– Алина, обещаю, я найду тебе подопытного кролика.

– Я надеюсь! – Нечаева отключилась, а я с облегчением вздохнула: на какое-то время в моей жизни я отвела от себя угрозу. Надолго ли?

Переведя дух, я набрала номер квартиры Любимовых.

– Юлиана? Это Полина, здравствуй. Слушай, ты вчера говорила, что твоя тетя готова нести трудовую вахту в родильном доме?

– Да. Во всяком случае, это единственный неработающий близкий нам человек.

– Тогда звони ей, пусть берет трудовую книжку и едет в роддом. Возможно, сегодня у нее появится новая строка в ее трудовой биографии, и твоя тетя освоит новую профессию – менеджер по уборке. Только потом отзовись мне, доложи, как дела, хорошо?

Я положила трубку. Спустилась в кухню, налила себе чашку кофе из турки и села поразмышлять. И так, кажется, все при деле. Юлиана следит за главврачом, а ее тетя устроится работать в роддом. Ее, скорее всего, возьмут, так как прежняя санитарка опять прогуливает. Должно же это, наконец, надоесть руководству роддома! И если тетя Валя начнет там работать, через нее я попробую узнать что-нибудь о том, куда делся настоящий ребенок Юлианы. Да и к Ангелине Романовне я окажусь как бы поближе. Очень мне эта дамочка не понравилась! Ее нежелание разговаривать с нами красноречиво свидетельствует о ее стервозном характере. У женщины горе, родился мертвый ребенок, а главврач, по словам Юлианы, обращался к ней надменно, холодно. Да еще сказала, что, мол, Юлька их обманула, скрыв, что у нее внутриутробная инфекция. Так что, получается, мамаша сама виновата в том, что потеряла ребенка! Да еще этот странный укол, который сделали Юлиане сразу после родов и от которого она уснула, а проснулась с тяжелой головой... Что это ей, интересно, вкололи и зачем? А когда она потребовала принести ей ребенка для кормления, главврач принялась на нее кричать! Интересная манера разговаривать с роженицами! Юлиана рассказывала, что она и ответить толком не могла, голова у нее была как чугунок – гудела и плохо соображала.

Потом я вспомнила, как мы пытались поговорить с главврачом у роддома. А она нам с раздражением бросила через плечо: «Отстаньте, пожалуйста, я уже все вам давно сказала!». И на все попытки Юлианы объяснить, что ей поставили неправильный диагноз, и на требования сказать, где ее ребенок, Ангелина Романовна с еле заметной усмешкой бросила через плечо: «Если вас что-то не устраивает, подавайте в суд, там поговорим». И еще пригрозила, что, если мы от нее не отстанем, она сама подаст на нас в суд. За клевету и вмешательство в ее личную жизнь.

Значит, мы клеветаем?! Значит, мы вмешиваемся в личную жизнь главврача роддома и не даем ей спокойно жить?! А то, что ее роддом выдал липовую справку о какой-то там инфекции, – это все ерунда? Инфекция – фикция... Да, с этой дамочкой побеседовать по-человечески не удастся. Но как же тогда с ней разговаривать? Запугать ее? Чем? Милиции она не боится, это однозначно. Суда – тоже. Сама пригрозила Юлиане судом. Может, похитить ее, связать и запереть в подвале, пытая ее горячим утюгом и насильно кормя тараканами, пока она не сообразит? Да, но похитить человека не так-то просто, как кажется! И потом, где ее держать? В нашем подвале? Не получится. Привезти ее к Юлиане домой и отдать на растерзание ей и ее маме? Вообще-то, стоило бы!

Я, честно говоря, не представляла, как Юлька перенесла такое сообщение о смерти своего ребенка. Мне Алина с помощью гипноза внушила, что я теперь мама, у меня есть ребенок, и то, меня это так взволновало, что я буквально почувствовала, как вся моя жизнь изменилась. Изменилась круто. Это был самый важный момент в моей жизни – я стала мамой! Я так хорошо ощутила это, что, даже проснувшись, понимала, что все воспринимаю как-то теперь по-другому.

Но если со мной это произошло в трансе, под гипнозом, то с Юлианой-то все было на самом деле, по-настоящему. Представляю, как тяжело ей было это перенести!

Нет, я должна помочь Любимовой, должна во что бы то ни стало! Ее сын должен вернуться к мамочке, Юлька непременно должна прижать родного карапуза к своей груди!

Что-то я совсем разволновалась, расчувствовалась и как-то даже раскисла. Нет, не этому учил меня мой дед Аристарх Владиленович! Он учил меня всегда быть собранной, владеть

своими чувствами и не падать духом ни при каких обстоятельствах! Так что все: я быстро собираюсь, все сантименты – прочь, мозги – в кучку, сама – как хищник, высматривающий добычу. Никаких эмоций, только факты и холодное сердце!

... А чего бы мне сейчас больше всего хотелось? Горячих щей, красных, наваристых, с запахом лаврушки и укропа. И чтобы сметанка плавала в тарелке таким беленьким островком... М-м-м... Кто бы их еще сварил! Сама я к кулинарным подвигам не готова, это казалось мне непосильным трудом – стоять полдня у плиты, резать, чистить, жарить, парить, чтобы потом за десять минут все это съесть. Мы с дедом прекрасно обходились полуфабрикатами, лишь изредка балуя себя настоящей едой.

Зазвонил телефон. Я взяла трубку. Это была мама Юлианы, Раиса Константиновна.

– Поленька! Приглашаю тебя к нам на обед.

Я стала отнекиваться, что-то плести – мол, мне «некогда», вспомнила о «куче срочных дел», но Раиса Константиновна вдруг сказала:

– А я так хотела накормить тебя домашним борщом! Свежий, только что с плиты...

Я почувствовала, что у меня слюнки потекли, и поняла, что за домашним борщом я готова отправиться хоть на другой конец города. Через пять минут я заводила мой «Мини-Купер».

– Вот пообедаю – и пойду шпионить дальше!

Юлиана рассказывала мне, как она следила за роддомом. Вернее, за главврачом, Ангелиной Романовной.

– На работу она приезжает рано, еще до восьми часов. Но зато уходит в четыре – в начале пятого. Это я еще в роддоме узнала.

– А ты знаешь, что своих детей у нее нет? – огорошила я ее.

Юлиана посмотрела на меня удивленно:

– Нет, я не знала...

– И что она не замужем?

– А у тебя откуда такие сведения?

– Да так, имеются разные источники... – сказала я неопределенно.

– Пока я была в роддоме, я поняла только одно: Ангелина Романовна не любит детей!

Пришла пора мне удивленно приподнять брови.

– Во всяком случае, она не выносит их плача, – уточнила Юлиана.

– И в чем это проявлялось?

– Один раз, когда я была в ее кабинете, по палатам разносили детей для кормления. Стоял такой ор! Так Ангелина Романовна поморщилась, встала, подошла к двери своего кабинета и плотно ее закрыла. Потом она села на место, но поморщилась еще раз. Меня это, честно говоря, удивило. Мне казалось, что главврач роддома должна воспринимать детский плач как самую сладкую музыку. А тебе, Полина, не кажется это странным?

Я немного подумала и кивнула:

– Да, пожалуй. Во всяком случае, если уж она не постеснялась показать это тебе, значит, действительно не любит она деток.

– Как же узнать, кому она отдала моего Ванечку, Полина? Ведь, если она это сделала, она и под пытками не признается...

– Не торопись, Юль, всему свое время...

В комнату заглянула Раиса Константиновна:

– Все, девочки, я побежала, у меня дежурство начинается! Полина, привет Аристарху Владиленовичу! Юлианочка, посуду сложи в раковину, я приду, сама помою.

– Да ладно, мам, я вымою... Иди, не опаздывай!

– Спасибо за борщ, Раиса Константиновна, он очень вкусный! Сто лет такого не ела! – поблагодарила я ее.

Хозяйка помахала нам и убежала на дежурство. Она работала вахтером в офисном здании на Канатной, и в три часа у них была пересменка. Мы с Юлианой остались вдвоем.

– Слушай, Юль, а почему у тебя такое странное имя? Помнишь, в детстве мы тебя звали просто Юлькой, а ты всегда поправляла нас и говорила: «Я не Юля, я – Юлиана!»?

Любимова улыбнулась, должно быть, тоже вспомнив себя девочкой.

– Это придумал мой папа. Его маму звали Юлией, а маму моей мамы – Анной. То есть мои бабушки носили имена Юля и Аня. А когда я родилась, он хотел назвать меня в честь своей мамы, но и тещу не хотел обидеть. Вот так и называли меня двойным именем. Я это знала с раннего детства, буквально с трех лет. И когда меня звали просто Юлькой, мне было обидно, что имя бабушки Ани не звучит, вот я всех и поправляла... Ну что, чайку попьем?

Она встала, но в это время зазвонил телефон. Любимова взяла трубку.

– Слушаю! Да, я... Здравствуй... Все хорошо, спасибо... Нет, Юр, ничего не надо, я же сказала... Не надо мне никакой путевки! И за твой счет тем более, не надо. Да не поеду я ни в какой санаторий! Хорошо себя чувствую... Нет, правда... Нет, не увидимся... Некогда мне, дела... Это мое личное, тебя это не касается. Юра, прошу, не рви мне сердце, не надо нам встречаться и звонить друг другу тоже, наверное, не стоит. Выйду, но не скоро... Что мне работа, у меня ребенок пропал, мне в себя прийти надо!.. А я знаю, что это неправда, он жив! Его именно похитили, он не умер... Все, не будем об этом! Пока!

Юлиана бросила трубку и пошла в кухню, за принадлежностями к чаю. Вернулась, села за стол и посмотрела на меня:

– Слышала? Звонит, справляется о моем здоровье... Нет, в самом деле, мама права, не надо было встречаться с женатым! Это не моя судьба, я это сразу поняла. Только, Полина, сердцу ведь не прикажешь! Я ему запрещаю, а он все равно мне звонит! Предлагал путевку купить в санаторий, чтобы я нервы подлечила... Всем кажется, что я, потеряв ребенка, умом тронулась!

– Ну, не выдумывай, кому такое кажется? По-моему, ты стала нормальнее, чем была.

– Знаешь, я решила больше не встречаться с ним. Никогда! И с работы этой я уйду. Мама права: чужой муж счастья мне не принесет. Так что – все! Только умоляю: помоги мне найти моего мальчика! Это все, что осталось у меня от любимого человека! И от прежней жизни тоже... Решено! Теперь все будет по-другому...

– Юль, а я чем занимаюсь?!

– Да, да, конечно... Спасибо тебе, ты одна согласилась мне помочь... А сейчас-то мне что делать, Полин?

– Продолжай следить за Ангелиной Романовной. Ты должна знать, где она бывает, с кем встречается, в какие магазины ходит и что там покупает. Если она говорит по сотовому, постарайся незаметно приблизиться к ней сзади и услышать хоть несколько слов. В общем, все, что только можно выяснить о ней – узнай... Важной может оказаться любая мелочь, даже то, что на первый взгляд выглядит ерундой. Поняла?

Юлиана кивнула:

– А если она вдруг меня заметит?

– Постарайся, чтобы этого не случилось. Но если ты все-таки попадешься, отвернись и уходи с самым невинным выражением лица и в твердой уверенности, что ты рядом с ней оказалась совершенно случайно. Горовск – город маленький, мы все постоянно друг с другом встречаемся.

– Я поняла... Ты познакомилась с Хомяковым?

– Он меня даже в кафе пригласил! Угостил чашечкой кофе и одним пирожным.

– Экономный!

- Не то слово! Заботится о моей фигуре.
- Скорее, о своем кошельке!
- Теперь моя задача – влюбить его в себя и получить свободный доступ в его кабинет.
- И что ты там будешь делать?
- Видно будет. Так что, давай, допиваем чай и идем каждая на свой «объект».

Через час, снова воплотившись в жгучую брюнетку, я сидела в машине недалеко от здания милиции. Хомяков был еще на работе: его зеленая «восьмерка» стояла в нескольких метрах от крыльца. Я не сводила с него глаз. Мне Игорь Игоревич сегодня мог и не позвонить. Может, у него много работы, и он задержится в своем кабинете допоздна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.